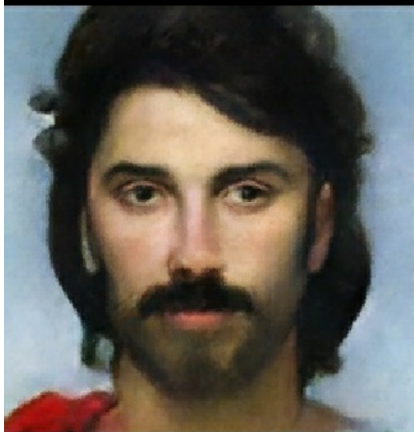

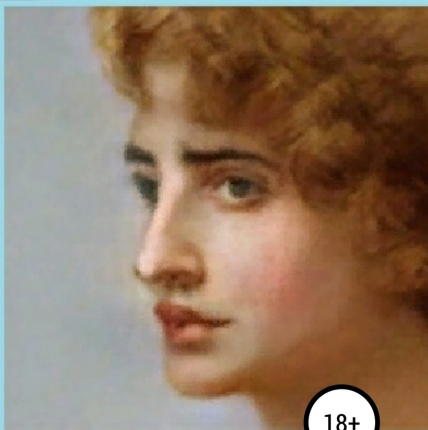
ТОМ 3

**Наследник
императора
часть 2**

*Историческая
фантастика*

***Себастьян
Робинсон***

18+

Себастьян Робинсон

Наследник императора 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57400166

SelfPub; 2020

Аннотация

Аристон, вернувшись из плена, наконец воссоединяется с возлюбленным императором. Ничто, казалось, не угрожает их счастью, но вскоре в жизни Эмилия появляется новый друг – молодой сенатор Аппий Кезон. Аристон не доверяет ему и пытается выяснить его замысел. В заключительной части Аристону снова приходится раскрывать заговоры и участвовать в интригах, но помимо этого он узнает правду, которая сильно изменит его жизнь.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Новый друг	6
Глава 2. Молодой сенатор	62
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Пролог

Голубое небо напоминало океан, который висел над головой и норовил упасть на землю. Но это был не дождь, отнюдь. Хоть и порой казалось, что что-то капает сверху, что-то тёплое или даже холодное, от этого «дождя» были смешанные чувства. Это были солнечные лучи. Если долго смотреть на солнечный диск, то в глазах невольно появлялись чёрные мушки. Эти мушки как раз-таки и напоминали собой что-то подобие дождя.

Человек, похожий на отшельника, с кучерявой бородой и кудрявыми, русыми волосами, которые на солнце казались золотыми, а в тени – тёмными, молча созерцал. Он смотрел на этот небесный океан. Он любил море, но там, где он жил, моря не было. Был лишь небольшой изумрудный пруд, вода которого была настолько чистой, что в ней можно было увидеть маленьких рыбок и подводные, гладкие камушки. От пруда исходила приятная прохлада, от которой казалось не так жарко, как на самом деле. Ибо день был воистину знойным. Весьма, знойным.

Отшельник поднялся с зелёной травы и отряхнул подол своего платья. Это была длинная туника с рукавами. Когда-то, возможно, она была белая, но сейчас её цвет был серым, цвет – символизирующий, депрессию и стресс. Человек убрал руки за спину и задумчиво повернул голову, смотря

всё туда же – в небеса. Он словно пытался найти в небе ответ, словно искал Олимп, ибо небо сегодня было насколько чистым, что даже Дворец богов, по сути, должен был виден. Но никого. Никого, кроме чаек, которые прилетели сюда, чтобы поесть рыбы из прозрачного озера, на небе не было.

Человек потупил взор вниз, словно разочаровавшись в чём-то. Он снова присел на траву и вздохнул. Трава была светло-зелёной, мягкой и свежей. Она символизировала весну, она символизировала богиню Гею. Возможно, этот зелёный луг являлся частью одеяния богини земли. Впрочем, кто-то может подумать, что это бред сумасшедшего или кошунство, но так или иначе, эти мысли принадлежали отшельнику.

Неподалёку паслась белая кобылка. Её ноги были стройными и длинными, напоминающие ноги женщины. Она стояла так грациозно и так аристократично. На солнце эта лошадь напоминала пегаса. Рядом находилась небольшая отара кудрявых овец. Они были похожи на пушистые облака, которые спустились с небес.

А кто же такой, этот отшельник? Его карие глаза были добрыми, не злобными, а взгляд спокойным. Изредка на лице появлялась детская улыбка. Он был один. Пребывая в гармонии с природой. И кажется, ему приносило удовольствие, это одиночество.

Кто он... Человек? Бог? Или просто, виденье...

Глава 1. Новый друг

«Счастье... Вы когда-нибудь задумывались, что же это такое – счастье? Безусловно, на этот вопрос нет единого мнения, ибо каждый человек понимает его по-своему. Наверное, всё зависит от уровня жизни. Если ты бедняк, плебей, безларник, то твоё счастье заключается в том, чтобы стать богатым, или хотя бы иметь достаточное количество денег, чтобы хотя бы обеспечить себя жильём и едой. Да, для бедняка счастье – это насытиться вдоволь, возможно, кто-то об этом только и мечтает. Вы только посмотрите на этих несчастных. Вы когда-нибудь видели толстого безларника, только честно? Я, например, нет. Когда я впервые увидел безларника он был похож на мертвеца, я и вправду тогда сильно испугался. Мне казалось, что кто-то сбежал из царства Аида! Но не будем уходить от темы. Как я уже говорил, у каждого разные понятия счастья. Если взять патрициев – знатных квиригов, то они видят счастье только в двух вещах – власть и деньги. Возможно, конечно, есть и те, кто просто мечтает о любви, о детях, семье или для кого-то счастье – это делать других счастливее? Однако, всё также зависит от нравственных устоев и воспитания, как говорил Марк Аврелий – довольствоваться нужно необходимым, малым. Я уже не говорю про рабов, которые видят счастье – в свободе. Разумеется, для кого-то рабы – обыкновенная вещь, которую лишит

жизни так же просто, как, например, убить таракана.

Для меня же счастье, это прежде всего – покой», – размышлял Аристон, лёжа в чугунной ванне, наполненной горячей водой. «Причём покой, который заключается в знании и убеждённости в том, что твои друзья живы и здоровы. Покой – значит безмятежность, умиротворение, покой душевный и покой физический.»

– Ты что там делаешь? – Раздался неожиданно мужской голос за дверью. – Играешь со своим дружкой?

После сказанного, человек, который стоял за дверью громко рассмеялся. Причём смеялся он не один. Было слышно едва уловимое слабое хихиканье юноши. Он явно не хотел обидеть Аристона, но сдержать свой смех оказалось намного сложнее, чем сохранить субординацию между господином и вольноотпущенником.

– О боги, Антиох, Эмилий, у вас слишком извращённая фантазия, я всего лишь размышляю о жизни, – ответил Аристон.

– Ого, «это дело» мы уже так называем? – Спросил Эмилий и ещё громче рассмеялся.

С того злосчастливого приключения минул уже месяц. За это время император Эмилий вместе со своим наследником и лучшим другом Аристоном, а также бывшим рабом Антиохом, вернулись восвояси в Рим. Разумеется, Урсуле и Адриану пришлось покинуть столицу, лишь потому, что Аристон вернулся. Если Аристон вернулся, следовательно, им-

ператор более не нуждался в советах Адриана. Между прочим, Аристон был сильно удивлён, когда узнал, что эти негоды снова занимали своё прежнее положение во дворце. Но поведение императора в отсутствие Аристона было вполне объяснимо, поэтому Аристон не злился на него, впрочем, он не имел права на него злиться.

Что же касается Антиоха, то Эмилий относился к нему лояльно и жаловал. Ибо именно он спас Аристона от неминуемой смерти под палящим солнцем в солёной морской воде. Разумеется, император не назначил бывшего раба на ответственную государственную должность и не сделал его цезарем, но тем не менее, он жил во дворце, в отдельной комнате, рядом с вольноотпущенником Катонем. Мальчик стал помощником главного прокуратора дворца, который имел власть над всеми рабами. Впрочем, старику Катону очень симпатизировал Антиох, последний был очень внимательным, ответственным и трудолюбивым, что нельзя сказать о дворцовой челяди, которая совершенно разбаловалась.

Но преимущество своего служения, Антиох всё же отдавал Аристону. Он настолько часто к нему ходил, что Эмилий начинал ревновать. Раннее Антиох прислуживал исключительно Аристону, который, впрочем, освободил его давно от такой обязанности, но после император сделал так, чтобы бывший раб и наследник виделись намного реже прежнего.

О самоубийстве Киссы, своей жены, Аристон не знал, потому и был безмерно счастлив. Ребенка она успела родить,

это была чудесная девочка, с зелёными глазами, как у матери и золотыми кудряшками как у отца. Эмилий решил сочинить лже-историю, чтобы не травмировать Аристона. Он смотрел на него, видел его блеск в глазах, видел, как он счастлив и не хотел разрушать ему жизнь плохими новостями. Он знал, что Аристон этого не вынесет, тем более мальчик столько всего пережил, был в плену, несколько раз побеждал смерть, похудел, покрылся шрамами, видел гибель соотечественников, что по сути, должен был либо сойти с ума, либо закалить свой итак железный характер. Эмилий не знал, как именно отреагирует Аристон, но он не хотел терять его. Снова. Поэтому он рассказал ему, что Кисса так разозлилась после ухода Аристона на войну, что решила покинуть Рим и уехала в Александрию. Ребенка она оставила на попечение Дильдара, ибо, смотря на дочь, она видела в ней своего мужа. Покинув Рим, она забрала с собой рабов, продала виллу, хозяйство, нашла себе богатого и знатного александрийца и вышла за него замуж. Сейчас живёт счастливо и прокликает жизнь в Риме. Дильдар также решил покинуть Рим и уехал к дочери. Лупанарий продали.

В действительности, Дильдар и вправду решил уехать в Александрию. Он не мог более жить в столице, он был слишком стар, чтобы продолжать держать публичный дом. Всё ему напоминало о Киссе. Он хотел забрать внучку, но по приказу императора ребёнка забрали во дворец. Дильдару же выделили деньги на расходы в Александрию, но он прин-

ципиально от них отказался.

Аристон сначала не поверил в эту, можно сказать, абсурдную историю, но Эмилий даже нанял и подкупил лже-свидетелей, которые подтвердили его слова. Волей-неволей, Аристону пришлось принять эту ложь за истину. Однако, он не осуждал жену за столь подлый поступок и не злился. Это её путь, главное для него было, чтобы Кисса была счастлива.

Дочь он не стал называть в честь Киссы, назвал в честь своей погибшей матери – Анастасией. Пока малышка находилась под контролем сиделок. Это были лучшие молодые рабыни, которые кормили её своим грудным молоком. Причём, молоко также должно было быть лучшее, если ребенок плакал, употребляя его, значит молоко горькое и тогда рабыню выгоняли и сменяли на другую.

Аристон редко посещал свою дочь, что нельзя сказать об императоре, который то и дело, что сюсюкался с ней и играл. Он видел в девочке своего друга.

Аристон, обретя покой, совершенно не знал, что же делать дальше? Войны нет, козней и интриг во дворце тоже, заговоров не намечается, все счастливы? Слишком подозрительно, осталось выяснить всё ли так на самом деле.

Император резко открыл глаза. Потолок был украшен гирляндой из цветов и великолепной фреской. На фреске была изображена девушка с ковшом. Юная девица, с зелёными глазами и каштановыми волосами, как у Киссы...

С тех пор, как вернулся Аристон, Эмилий не мог спокойно спать. Каждую ночь ему снились кошмары. В этих кошмарах была Кисса. Она с укором смотрела на императора, лёжа в постели. Её лицо было бледным, осунувшимся, как тогда, когда Эмилий видел её в последний раз. Он точно знал, что его тогдашний визит пойдёт ей на пользу, однако случилось то, чего не ожидал никто. Она покончила с собой. Но почему об этом узнали только утром? Почему рабыни, которые денно и ночью сидели рядом со своей госпожой этого не заметили? А, может, это они её убили?

Император не видел мёртвую Киссу. Он не смог прийти на её похороны. Ему казалось, что это он виноват в её смерти. Возможно, если бы он забрал её во дворец, этого бы не произошло. От лжи, которую он преподнёс Аристону, становилось ещё хуже. Он пытался убедить себя, что он делает правильно, но ложь – это такая вещь, которая рано или поздно всплывёт наружу. И что тогда? Аристон не простит Эмилия.

Разумеется, император старался тщательно скрывать свои чувства. Аристон слишком чуткий и всегда видит, когда кому-то грустно и плохо. Но Эмилий научился не показывать своё истинное лицо. Он всегда сравнивал себя с актёром и часто выступал на сцене в театре. Перед друзьями он –

безумный и выживший из ума весельчак. Перед сенаторами – строгий император. Перед рабами – справедливый и гуманный господин. Перед самим собой – уставший от жизни старик.

С детства его считали слабоумным и не воспринимали всерьёз. Всё, что он говорил, взрослые считали за бред сумасшедшего. Эмилий понял, что быть дурачком в глазах людей намного лучше и безопаснее, чем быть самим собой. Если раньше, над ним все измывались и жестоко унижали, выставляя на посмешище, то признав слабоумным, перестали с ним и вовсе контактировать. Разумеется, были времена, когда его приглашали на празднования и пиры, но лишь в качестве, можно сказать, уроды, над которым можно смело поиздеваться и бросить пару оскорблений и шуток в его адрес. Если вспомнить императора Клавдия, то при властвовании Калигулы над стариком также измывались и потешались, принуждая играть его роль шута. Для Эмилия же роль «шута» была самой популярной и излюбленной. Ему было приятно приносить людям смех и веселье, впрочем, зная, что все смеются над ним, а не над его нелепыми шутками.

Эмилий, как человек, привыкший играть на публику, нуждался во внимании и похвале, среди своих приближённых он обзавёлся льстецами и поэтами, которые посвящали ему дифирамбы и стихи. Он понимал, что они все лжецы, но они это делали, чтобы угодить императору. Вот и сейчас, Эмилий пытался угодить Аристону. Его ложь была во благо.

– Ваше августейшество, вы проснулись, – сказал старик Катон, который медленно приоткрыл дверь и вошёл вовнутрь спальни.

Старик подошёл к окну и раскрыл занавески, пустив в комнату солнечные лучи. Император недовольно закрыл лицо одеялом и прорычал что-то себе под нос.

– Ваше августейшество, вставайте, у вас сегодня много дел.

– Почему, Катон, я не могу спать до тех пор, пока не умру во сне? – Спросил император. Катон не стал ему отвечать. Это был риторический вопрос, не требующий ответа.

– С тех пор, как вы сослали Остория и Адриана, вам приходится отвечать за государственные дела самостоятельно. К тому же вы ограничили полномочия Сената и теперь вы выполняете представительные и организационные функции.

– Мне следует об этом поразмыслить, – проговорил Эмилий.

Завтракал император вместе со своим другом – Аристом. Сейчас Аристон по-прежнему выполнял функции главного советника и помогал императору в государственных делах. Аристон перестал есть и некоторое время молча смотрел на Эмилия.

– Чтобы ты знал, мой милый дружок-пирожочек, смотреть на людей, когда они едят – признак невежества и необразованности, – с упрёком проговорил Эмилий и отложил

полупустую тарелку. – Считаю, что есть – это дело интимное. В следующий раз я буду обедать в одиночестве.

– Друг мой, я вовсе не хотел тебя обидеть, – ответил Аристон. – Я просто заметил, что ты чем–то озабочен. Может, ты хочешь об этом поговорить?

– Я просто не выспался, Аристон. Благодарю за внимание, но ты прекрасно знаешь, что меня тошнит от заботы.

Эмилий улыбнулся, давая понять, что он шутит. Аристон усмехнулся. Сколько юноша его помнит, император всё время отнекивается от душевных разговоров. Он такой скрытный, загадочный и непрístupный. Именно эти качества делали его интересным, желанным. Хотелось разгадать его тайну, узнать, кто он такой. Эмилий был интригующим человеком. Он напоминал цитадель, за которой скрывалось нечто прекрасное и завораживающее. Он был воплощением бога для Аристона. Любовь – есть желание. Чтобы тебя любили – необходимо стать таинственным, скрытным и недоступным. Именно твоя недосыгаемость порождает желание. Будь таинственным, будь желанным. Отсюда придёт и любовь.

Император отвёл взгляд и задумался. Аристон словно видит его насквозь. Видит, как императора что-то гложет, сдает и разрывает его грудь изнутри. Видит его внутренние душевные страдания, о которых правитель самой могущественной в мире империи не может никому поведать, разве что самому себе. С тех пор, как Аристон вернулся, всё изменилось. Не только император, но и, казалось, весь Рим. Что-

то было не так, чего-то не хватало, но Аристон не понимал, чего именно.

После британской войны Аристон всё ещё не понимал, мёртв он или жив. Всё так быстро и стихийно происходило, события сменялись одно за другим. Вот он на войне, а вот и в плену. Он помнил образ дочери Муйредаха Маты. Помнил, но смутно. Да, то, что произошло у него на глазах было ужасно. Но ещё ужаснее было то, что он был в разлуке с любимым другом – Эмилием. Он слишком был озабочен императором, что мысли о Риме заполонили его взор и не позволяли увидеть ту резню в тот самый день. День, когда он снова стал свободным и вновь попал в плен. В плен к римлянам. Кто всё-таки страшнее и ужаснее – римляне или кельты? И тех, и других в то время обуяло чувство ненависти и возмездия. И тех, и других двигало желание отомстить друг другу за обиды и страдания, которые они принесли себе бесчеловечностью и равнодушием. Родителей Муйредаха убили римские солдаты. Это побудило Муйредаха собрать армию и пойти войной на весь римский народ. Но нельзя судить о всём народе лишь по кучке необразованных глупцов, которых боги рано или поздно сами накажут за их грехи.

Мечь и ненависть... Эти чувства делают нас чудовищами. За полученные страдания и обиду мы как правило пытаемся проучить негодяев, забывая о том, что сами же уподобляемся этим негодяям. Необходимо научиться прощать. Такое умение – это дар, который сделает тебя человеком. Счастли-

После завтрака император Эмилий занялся государственными делами. Да государственные дела не терпят отлагательства. Сначала император решил разобрать письма подданных, в этих письмах он видел человеческие страдания. Они были проникнуты болью и искренностью. Эти письма принадлежали различным сословиям, как правило, их писали плебеи – люди страждущие и ищущих спасение. И спасения они видели только в одном – в гуманности и справедливости императора Эмилия. Страждущие уповали на внимание и добрую волю правителя, ибо лишь император мог спасти их жизнь.

Писатели не стеснялись своих чувств, они пытались показать читателю истинное положение дел. Для кого-то возможно писать депешу на адрес правителя самой могущественный в мире империи бесчестно и недостойно, и кто-то возможно предпочел бы погибнуть или смириться с нелегкой судьбой, ну кто-то просто отринул все свои принципы и убеждения, настолько желает сделать свою жизнь лучше и легче, что всего-навсего позабыл понятие чести. Это можно объяснить. Таких людей не стоит осуждать, ибо это всего

лишь инстинкт самосохранения.

Возможно удивителен тот факт, что императору попада-
ют письма напрямую. Тем более такого интимного содержа-
ния. В основном люди жаловались на голод, причиной кото-
рого стала прошедшая война. Весь государственный бюджет
Рима был израсходован на кампанию, а также на триумф.
Да, безусловно, проблемами плебса должны заниматься ма-
гистраты и народные трибуны, но никак не император. Но
всех должностных лиц в том числе консулов и проконсулов
император, фигурально выражаясь уничтожил, ибо все они
были преданы его супруге Урсуле и бывшему советнику Ад-
риану. Разумеется, он не мог доверять им. Посему импера-
тор возложил на себя это бремя, в то время как лица и ор-
ганы представительной и исполнительной власти считались
формальностью. Безусловно, магистраты и в том числе Се-
нат были озлоблены на императора и у них были все осно-
вания начать мятеж. И они бы начали, если бы имели до-
статочные ресурсы и поддержку преторианской гвардии. Но
гвардия была предана императору и его наследнику. И эта
преданность была непоколебима. Причем на стороне импе-
ратора находилась не только гвардия и римские легионы, но
и народ, который искренне любил августа его приемного сы-
на Аристана.

Сейчас император выполнял функции и государствен-
ного секретаря, и архивариуса. Разумеется, о прошлой жиз-
ни, полной веселья, беспечности и забот, которой он жил

раньше до предательства Адриана, ему пришлось забыть. За это время император сильно постарел и похудел. И мириться он с этим не собирался. Но о своих замыслах он пока что не преминул кому-либо сообщить.

Император снял металлические очки и отложил стопку писем на край стола, за которым он сидел. Эмилий протер глаза и устало вздохнул. Арестован сидел рядом, подле своего императора в маленькой комнатушке ларарии, святилище для семейных богов, которая находилась за тронным залом – Аула регия. Молодой мужчина с острова Кифера заметил изнурённость и усталость императора.

– Ты в порядке? – Спросил Аристон, подойдя сзади к Эмилию.

Он положил свои сильные руки императору на плечи и начал медленно массировать спину. Эмилий краем губ изобразил улыбку и положил свою ладонь Аристону на тыльную сторону руки, прося прекратить массаж.

Император тяжело поднялся со стула, словно титан, державший на своих могучих плечах землю и положив руки за спину, молча зашагал старческой походкой по мрамору в тронный зал. Он шёл, не поднимая ног, всё время шаркая сандалиями по полу, создавая неприятный звук. Аристон последовал за ним, пытаясь не отставать и в то же время не обгонять. Пока он шёл рядом, он пытался заглянуть Эмилию в глаза и распознать его чувства. Но император нарочно отворачивался. Наконец, император остановился возле окна.

– Народ голодает, – спустя минуту заговорил август. – Солдаты измучены войной. Сенат меня ненавидит. С тех пор, как я обложил их налогом и урезал полномочия, бюджет государства должен был в разы увеличиться. В чём проблема? В казначее? Во мне? Что я делаю не так? На прошлой неделе торговые суда привезли в порт двести мешков пшеницы. Возникает вопрос, где хлеб, которым должны были снабдить народ. Я организовал бесплатную раздачу провианта для малоимущих – сухофрукты, зерно, где это всё? Почему эти несчастные люди смеют мне, правителю, сетовать на голод? Я стараюсь всё делать ради своего народа. Я забочусь о нём, как отец заботиться о своих детях. Но вместо благодарности, они дерзко лгут мне и требуют золота. Я совершенно избаловал свой народ.

Эмилий замолчал, собираясь с мыслями. Но Аристон перебил его.

– Август, – сказал он и повернулся к императору лицом. – Ты – прекрасный правитель, знай это. Но проблема не в тебе. Люди не станут просто так писать о своих проблемах самому императору. У них явно были веские причины обратиться именно к тебе. В курии царствует коррупция, которую без уничтожения всего Сената не искоренить. Из-за налога, которым ты обложил сенаторов, дабы пополнить государственный бюджет, они вынуждены воровать, чтобы выжить. Пока ты держишь их на поводке, их руки связаны. Подумай над тем, чтобы хоть частично вернуть исполнитель-

ную власть Сенату и ограничить монархию. А что же касается несчастных, что пишут тебе о голоде – то я не думаю, что они лгут. Возможно, тот, кто ответственен за раздачу провианта, злоупотребляет своими полномочиями и морит народ голодом в корыстных целях. Сенат хочет вернуть себе власть, сделать Рим – республикой, как в былые времена, и они сделают всё, чтобы свергнуть тебя с престола.

– Этому не бывать, Аристон, – ответил твёрдо император и демонстративно поднял палец вверх, чем-то сейчас напоминая скульптуру Октавиана Августа. – Пока преторианцы на моей стороне, мятеж мне не страшен.

– Вот именно, – сказал Аристон. – И сенаторам это известно. Но народ – это также отличное оружие, если им владеет Сенат. Они имеют намерение посеять ненависть и развеять любовь, которую сейчас испытывает народ по отношению к тебе. Голодный народ – сделает всё, чтобы спасти себя – даже пойдёт с огнём и мечом на Палатин. Даже пёс, способен съесть собственного хозяина, если голоден. Они прячут или вовсе уничтожают мешки с зерном. Возможно, даже скупают его на рынках у продавцов. Положение тем самым накаляется.

– Гхм, знакомая ситуация была во времена правления Тиберия Клавдия Цезаря, – прокомментировал Эмилий, почесав в задумчивости бороду. – Я бы сказал, типичный случай. Самый лёгкий способ свержения императора с престола – использовать против него собственный народ.

Император загорелся в глазах и улыбнулся. Догадки Аристана подняли ему настроение.

– Спасибо за поддержку, Аристон. Ты смог убедить меня, что я не причастен ко всем бедам в моей стране. Я рад, что ты снова со мной, мой друг.

Эмилий обнял Аристана за плечи.

– Я обязательно подумаю над твоими словами.

– Может, Квинт займётся расследованием заговора? – Спросил Аристон и хотел уже позвать его, но Эмилий остановил его жестом руки.

– Нет, не стоит.

– Но почему? Квинт отличный сыщик.

Эмилий отошёл от окна и снова положил руки за спину. Аристон ждал ответа, продолжая стоять на прежнем месте.

Спустя минуту размышления и бесцельной ходьбы по залу, император остановился возле Аристана и вдохнул, приготовившись ответить. Глаза его смотрели вниз.

– Я...я, – император колебался и не мог твёрдо ответить. Аристон наклонил голову набок, пытаясь взглянуть императору в глаза. – Я сам займусь расследованием. Квинт однажды уже искал предателя, что покушался на твою жизнь. Но он так и не нашёл его, хотя всем известно, что это была моя жена. Она снова может быть причастна к этому.

– Эмилий, ты не слышишь меня, – повысил голос Аристон. – Центурион Квинтилий должен этим заняться. Он твой друг. В крайнем случае, ты можешь положиться на ме-

ня, и я займусь расследованием. Ты, видимо, забыл, кто ты такой. Тогда позволь напомнить, ты – император. У тебя есть подданные, слуги, солдаты, у тебя есть народ. Но ты хочешь жить жизнью обычного человека, который ставит своей целью – взвалить на свои плечи чужие проблемы и делать людей счастливее.

– Быть может, это моё предназначение. Быть может, боги послали меня в этот мир именно с этой целью. Приносить людям счастье.

– Ты не Иисус, не страждущий человек, не жрец и не весталка^{1*}, жизнь которых полна лишений и самопожертвования. Ты – император. Ты живёшь, чтобы внушать людям поддержку, обеспечить им защиту и жизнь в твоей стране. Чтобы быть тем, ради которого хочется жить и тем, ради которого можно умереть. Ты – отец наш. Ты должен оберегать своих детей и следить за благосостоянием в своей стране. Но остальные функции – исполняют твои подданные. Подданные для того и нужны, чтобы облегчить твою жизнь и позволить заниматься мирскими делами. Выступай на собрании в курии, перед народом, участвуй в жертвоприношении, устраивай игры, празднества, раздавай монеты и еду. Живи в любви своего народа. Будь счастлив.

– Ты хочешь сказать, что я всего лишь лицо? – Изумился император и по привычке надул губы. – Если ты говоришь, что я отец – то я должен вести себя как отец. Но какой нор-

¹ * Жрица богини Весты

мальный родитель сможет смотреть, как их детей обижают и морят голодом? В то время как я – император, ем и пью вдоволь. Закончились те времена, когда миром правил Адриан и моя супруга Урсула. Они убедили меня, что в стране всё хорошо и все живут так же счастливо, как и я, не зная забот. Но видимо, это не так.

– Власть должна принадлежать вверенным тебе людям. Твоим друзьям.

Эмилий усмехнулся и посмотрел на Аристона.

– У меня нет друзей. Я никому не доверяю.

– Даже мне?

Эмилий хмыкнул и слабо кивнул. В глазах Аристона появилась печаль. Тогда Эмилий поспешил его успокоить.

– Более того, мой милый, я не доверяю даже самому себе.

Император похлопал Аристона по плечу и направился прочь.

Да император Эмилий никому не доверял. Его можно было понять. Сначала его супруга Урсула, которая, казалось бы, была самым близким человеком и другом, в конце концов, оказалась предательницей. Затем его советник Адриан, которого император знал всю свою жизнь. Удивительно то, что человек доверяет кому-то, считает его своим другом, семьей, ему кажется, что он его знает, ведь он все время рядом, под-

держивает тебя, утешает, когда тебе плохо – он рядом, когда тебе весело – он рядом. Он не только твой друг – он твой брат, твоя сестра, твой отец и твоя мать. Ты уверен в верности своего друга, ты убежден, что он тебя никогда не предаст. Однако насколько хорошо ты бы ни знал своего близкого, он способен вонзить тебе нож в спину, ибо никто не может распознать истинные чувства и помыслы человека, лишь богам известно, что творится у него в голове. Поэтому нельзя никому доверять, чтобы потом не жалеть, необходимо всегда быть готовым к предательству.

Император Эмилий не знал, что такое истинная дружба и любовь. Он не верил в существование данных слов и считал их пустыми звуками для себя. Безусловно, когда-то он любил и имел друзей, например, в лице центуриона Квинта, но сейчас после того как весь Рим пошел против него, и каждый плебей за буханку хлеба был способен на убийство императора, он понял, что в мерах предосторожности он должен быть проницательным, подозрительным, дотошным, видеть человека изнутри, искать в нем слабости, изъяны и недостатки, чтобы потом при необходимости использовать их против него же. Иными словами, никому не доверяй.

Аристон покинул зал после ухода императора и решил навестить друга Антиоха. Антиох тем временем находился в левом крыле дворца вместе с рабами. По пути Аристон встретил старика Катона.

Старик улыбнулся юному цезарю и поклонился.

– Здравствуйте, Цезарь. Вы, верно, ищите своего друга?
Аристон кивнул и начал оглядываться.

Катон молча указал дряхлой рукой в сторону комнаты дочери Аристона – Анастасии. Молодой отец слабо услышал детский плач.

– Вы давно не посещали свою дочь, – упрекнул его вольноотпущенник. – Она уже, наверное, забыла вас.

Аристон покраснел. Он не любил детей, их вечный плач, опорожнение, болезни. Они всё время требуют к себе внимание. Цезарь не верил, что он был таким же. Да, это была его дочь, его кровь и его наследие, но она напоминала ему бывшую супругу Киссу. Невольно, он всё же был обижен на её поступок, который она якобы совершила. Возможно, когда Анастасия вырастит, она так же, как и её мать сбежит в Александрию или того хуже станет куртизанкой. Но Аристон знал, что он этого не допустит.

Он медленно подошёл к комнате и дёрнул за дверную ручку. Дверь не была заперта. Зайдя в тусклую комнату, Аристон увидел стоящего подле окна Антиоха. В кроватке Анастасии не оказалось.

Антиох, видимо, не услышал, как кто-то вошёл в комнату и до сих пор не обернулся. Он стоял и немного пританцовывал ногами. Тихо, совсем шёпотом, он пел на греческом. Эта была колыбельная.

В голове невольно начали появляться воспоминания. Говорят, что хорошие события запоминаются человеку в кра-

сочных тонах, а плохие – в серых. Сейчас Аристон видел цветную картинку. Он видел мать, которая укладывала его спать. Пока он жил вместе с женщинами он считал это время самым счастливым. Это и было детство. Мать каждую ночь сидела на тюфяке рядом со своими детьми и пела. Её голос ему не забыть. И эту песню тоже.

Юный цезарь улыбнулся. Он не знал, как быть отцом, он не был к этому готов. Не знал, как воспитывать, как учить, как кормить. Это девочка. Он был убеждён, что родится сын. Сын, которого он воспитает воином. Которого он будет тренировать с пелёнок, чтобы тот стал сильным и прекрасным фехтовальщиком. А затем он пойдёт служить в звании офицера в легион и заколет своего первого врага.

«О боги,» – подумал Аристон. – Я сейчас рассуждаю, как свой отец. Планирую будущее для своего ребёнка и не даю распоряжаться собственной жизнью по своему разуму. А если моя дочь не захочет выходить замуж за нелюбимого? И тоже сбежит подобно своему отцу в юности. Сбежит к простолюдину, и они вместе решат покинуть Рим. Затем их схватят пираты. Парня убьют, а её продадут в рабство.»

Аристон от удивления ахнул и тут же прикрыл рот рукой, боясь разбудить дочь. Но этого хватило, чтобы Антиох услышал его.

Бывший раб от испуга и неожиданности чуть не уронил ребёнка на пол. Аристон подбежал, чтобы успокоить Антиоха.

– Господин, вы меня напугали, – шёпотом проговорил Антиох.

Голос его окреп и стал ещё более мужественным. Когда-то мягкие черты лица стали грубыми и острыми. На лице появилась слабая щетина. Аристон немного позавидовал другу. Ибо в свои 17 он всё ещё выглядел женоподобным юнцом, у которого почти не растут волосы на лице. Тело Антиоха тоже окрепло. Раньше он был худым и тонким, низеньким мальчишкой, сейчас же он высокий и мускулистый мужчина. Наверное, жизнь заставила его рано повзреть.

Аристон посмотрел на ребёнка и молча попросил передать свёрток ему. Антиох повиновался. Анастасия сладко причмокнула свои толстенькие, розовенькие губки и открыла глаза. Из-под одеяла вылезала светлая кудряшка волос. Глаза её были светло-зелёного цвета. Увидев отца, ребёнок нервно зашевелился, пытаясь освободиться от пелёнок. Он чувствовал, как малышка с невероятной и не присущей для неё силой и мощью, сражается кулаками и ногами с плотной тканью.

– Да она настоящий боец, – прокомментировал Аристон. – Как и её мать.

– Вырастит, станет амазонкой, – пошутил Антиох и тут же замолчал, увидев недовольство Аристона.

Он не хотел, чтобы его дочь стала мужеподобной воительницей женолюбительницей, которая будет презирать мужчин и никогда не выйдет замуж.

Анастасия, поняв, что не может освободиться, осознала своё поражение и захныкала.

– Тише, тише, не плачь, – заговорил ласково Аристон, но Анастасия только усилила свой плач.

Тогда Антиох попросил передать ребёнка ему в руки. Немного подумав, Аристон кивнул и выполнил просьбу друга. Антиох прижал ребёнка к груди и начал качать, что-то напевая себе под нос. Через несколько минут Анастасия перестала плакать и уснула.

Аристон расстроился и решил покинуть спальню. У входа ему встретилась кормилица. Она так спешила, что чуть не врезалась в идущего Цезаря. По всей видимости, Антиох её прикрывал и дал позволить отдохнуть. Увидев Аристона, рабыня испуганно раскрыла глаза и начала лепетать извинения, но наследник престола жестом руки попросил её прекратить. Поблагодарив, юная рабыня забрала у Антиоха ребёнка и переложив в кроватку, села рядом и продолжила с ней сидеть. Антиох попрощался с юной рабыней и вышел из комнаты вместе с Аристоном.

Аристон заметил, как Антиох смотрел на рабыню и усмехнулся.

– А я думал ты предпочитаешь собак, – пошутил Аристон и рассмеялся, прикрыв рот рукой.

Антиох казалось не расслышал Аристона и продолжал смотреть на дверь спальни. Тогда Аристон легонько ударил его по плечу.

– Что?..Собак? О чём ты?..А? Что?! Нет!

Аристон ещё громче рассмеялся недоумению Антиоха.

– Это говорит человек, который влюбился в императора, – парировал Антиох и самодовольно ухмыльнулся.

Аристон покраснел.

– Не правда! Это всё наветы! А ну иди сюда!

Антиох слегка ударил Аристона и побежал вперёд по коридору. Аристон ринулся вдогонку преследовать друга.

Аристон понимал, что Антиох шутит. В народе ходило много сплетен о связи императора с Аристом. Все говорили, что император назначил его своим наследником, потому что Аристон влюбил его в себя. Только во дворце все знали истину. Впрочем, Аристон не отрицал своих чувств к императору. Он его любил. Но любить приходилось только как друга и как отца. О большем он и думать не позволял себе. Но после недавнего разговора с императором, Аристон узнал, что Эмилий ему не доверяет. Это, разумеется, задело его чувства.

Вскоре Аристон, наконец, нагнал Антиоха, и друзья остановились. Отдышавшись, они рассмеялись и поняли, как им было хорошо, когда они точно так же играли на родине.

Остановились они в коридоре, который огораживал сад. Колонны придерживали потолок и черепичную крышу. На улице было тепло, а в небе уже смутно виднелся полумесяц. Но было всё ещё светло. Где-то рядом за стенами солнце заходило за горизонт.

Аристон присел на мраморную лавочку, которая стояла подле холодной стены и прикрыл глаза. Антиох сел рядом.

– Когда я закрываю глаза я вижу Киферу, – сказал Аристон, ностальгируя.

– И что же ты видишь? – Спросил Антиох.

Аристон открыл глаза и посмотрел на Антиоха.

– Я вижу море, его лазурные волны, его блеск, ослепляющий глаза. Я слышу его, слышу чаек, слышу ветер.

– Ты скучаешь по родине?

– Безумно, – ответил Аристон.

На другой стороне коридора показался красная фигура и двое преторианцев. Это шёл император. Он тоже решил отдохнуть в саду. Увидев Аристона, Эмилий приветливо махнул рукой, но в его сторону не направился, а зашёл в сад и там разместился подле фонтана и двух скульптур.

Антиох слегка напрягся.

– А я смутно помню Киферу, – заговорил Антиох. – Единственное, что сохранилось у меня в памяти, так это твой отец и твои безумные выходки. Мне некогда было наслаждаться красотой острова. Жизнь во дворце – моё лучшее воспоминание.

Аристон с сочувствием обнял Антиоха. Если бы у людей не было забот и проблем, они бы, возможно, наконец обратили внимание на мир, который их окружает. Они бы жили, а не бесцельно существовали. Небо, земля, солнце трава – они не придают этому значение. Они просто ходят по красо-

те, ослеплённые хлопотами. Но нельзя говорить о том, чтобы все люди должны быть беспечными, ибо в беспечности кроется безответственность и эгоизм, но если бы они не были обременены заботами и проблемами – они были бы намного счастливее.

На некоторое время друзья замолчали, наблюдая за поведением императора.

– Он сказал, что не доверяет мне, – произнёс Аристон. – Я попросил помочь, но он отказал. Мне кажется, он в чём-то меня подозревает. А что если это снова козни Адриана?

– Он любит тебя, – ответил Антиох. – Если он отказал тебе, значит на то были причины. Он всего лишь хочет защитить тебя.

– Не меня нужно защищать, – твёрдо сказал Аристон и указал пальцем на императора. – А его. За этот год я стал сильнее не только физически, но и духом. Я смогу постоять за себя. Посмотри на него – хрупкое и беззащитное дитя, которое нуждается в заботе. Он не в состоянии править страной. Это ему нужна защита, а не мне.

Аристон замолчал. Антиох не стал ничего отвечать. Вместо ответа, он продолжил наблюдать за императором.

Эмилий сидел на корточках возле розы и следил за бабочкой. Когда бабочка перестала дёргать крылышками, император медленно опустил руки вниз, пытаясь поймать беззащитное насекомое. Но тут бабочка реагирует и улетает, однако на этот раз она покинула сад, поняв, что здесь ей нет

покоя. Император расстроился и собирался встать, но тут же замер. Меж персиковых деревьев показалась женская фигура. Император спрятался за кусты и занял позицию шпиона. Девушка держала в руках кувшин и грациозно поливала растения. Её тело было стройным, ноги нагими, тёмные распущенные волосы доходили до самых бёдер. Жёлтая туника была настолько тонкой, что просвечивала грудь девушки. Грудь была упругой и напоминала персики, которые росли в саду. Девушка поставила кувшин на землю и замерла. Садовые птицы запели в унисон чудесную песню. Девушка некоторое время безмолвно слушала, а затем что-то начала тоже напевать. Пела она от груди, медленно. Её пение напоминало пение сирены. Напевая песню, она вскоре начала танцевать. Танцевала она так же прекрасно, как и пела. Эмилий был очарован её.

Неожиданно, девушка перестала петь и танцевать. Она словно заметила, что за ней кто-то наблюдает. Она повернулась лицом к Эмилию и посмотрела в его сторону. Она смотрела на него так внимательно и укоризненно, словно мать.

Эмилий хотел отвести взор, но не смог. Наконец, он понял, что это была за девушка. Это была Кисса.

– Прости! – Закричал Эмилий. – Я не смог.

Девушка повернулась спиной и исчезла.

Как тепло и безмятежно. Тело дрейфует на волнах прозрачной реки, которая несёт тебя вниз по течению. Вода ласкает тебя и убажывает. Неужели, это рай?

Император приоткрыл веки. Одна половина сознания всё ещё видела сон. Пришлось потратить немного времени, чтобы дать мозгу окончательно проснуться. Придя в себя, Эмилий осмотрелся. Он лежал в своей постели. Окно было открыто из-за жары. Солнце слепило в глаза.

Неужели, это всё был сон? Ужасный сон.

– Слава богам, – прошептал Эмилий и хотел встать, но повернувшись набок, задел чьё-то тело.

Аристон тут же проснулся и увидев недоумевающее лицо императора, улыбнулся.

– Привет, – сказал юный цезарь.

– Эм, привет, – ответил император всё ещё не понимая, что происходит. Во-первых, он не помнил, во сколько вчера лёг спать и как добрался до спальни, во-вторых, что, орк возьми, делает здесь Аристон? Немного помолчав, император прокряхтел в кулак и осторожно спросил, – мы с тобой?..

Эмилий обвёл пальцем своё нагое тело и приподнял густую бровь.

– Что? Нет! – Аристон тут же слез с постели и бросил лежащую на стуле тунику в руки императора.

Он даже отвернулся, когда Эмилий одевался, давая понять, что он не мужеложец, несмотря на его злосчастное прошлое в лупанарии.

Когда император оделся, он присел на край своего ложа и вздохнул.

– Великий Либер^{2*}, неужели я снова пил? – Спросил Эмилий, схватившись за голову.

Аристон повернулся к императору лицом, поняв, что Эмилий закончил одеваться. Он присел рядом и взял императора за руки. Руки его были как всегда холодными и мокрыми. Эмилий снова выразил недоумение.

– Я домогался до тебя? Ты себя странно ведёшь. – Лицо его прояснилось. Его словно осенило. Он нагнулся над Аристоном и ехидно прошептал, – понравилось?

– Ты видимо, слишком сильно ударился головой, когда потерял сознание, – спокойно ответил Аристон и убрал свои руки.

Эмилий молча потребовал объяснения. Он всё ещё ничего не понимал. Тогда Аристон поднялся с кровати и встал напротив императора.

– Ты ничего не помнишь? Вчера ты отдыхал в саду. После, собираясь уходить, на тебя упал кусок черепицы с крыши. К счастью, кусок был не большой, и ты остался жив. Но ты так долго спал, что все уже начали волноваться. Я боялся, что ты не проснёшься. Мне хватило прошлого раза, когда

^{2*} Римский бог плодородия, а также разврата.

ты неудачно упал со стены и получил сотрясение мозга из-за меня. Если бы я был более внимателен, я бы заметил изъян на крыше и этого бы не случилось. Прости меня.

Эмилий фыркнул и махнул рукой.

– Причём здесь ты, когда виноваты рабы. Нужно будет казнить пару-тройку.

Аристон изумился, не узнавая императора. Непонятно было, шутит он или говорит всерьёз.

– А! Поверил! – Император расхохотался и тут же застонал, схватившись за голову. – Было бы забавно, если бы я умер такой глупой и недостойно смертью. Обещай мне, если я умру, сидя на толчке, ты выставишь меня героем и всем скажешь, что я погиб, спасая чью-то жизнь. Тогда история не будет надо мной смеяться.

Аристон, улыбнувшись, кивнул.

Дверь заскрипела и в комнату вошёл Катон. Увидев проснувшегося императора, старик обрадовался и тут же серьёзно заговорил:

– Ваше солнцеподобие, я безмерно рад лицезреть вас в здравии, но спешу напомнить про заседание Сената, которое было назначено на сегодня.

– Проклятье, заседание!

– Однако, если вы скверно себя чувствуете, я передам, что совет переносится на другой день...

– Нет, нет, – запротестовал Эмилий и вскочил с постели. – Вели сейчас же готовить носилки и тогу. Вернее, две тоги.

Аристон поедет со мной.

– Что? – Удивился Аристон, но Эмилий не стал ему отвечать. Он скоропалительно выбежал за дверь, оставив Аристона наедине со своим недоумением.

По дороге в курию, Аристон отказался ехать вместе с императором на носилках, ибо в народе итак все считают его любовником правителя. Поэтому, надев дорожный тёмный плащ, в неудобной римской тоге гражданина, он сидел на вороном коне, рядом с центурионом Квинтилем и другими преторианцами.

Аристон всё время смотрел не на дорогу, а на императора и вскорости Квинт сделал ему замечание. Аристон из-за занавесок видел, как Эмилий переживает. С ним явно что-то происходит, но он пытается это скрыть ото всех. Но зачем? Почему он стал таким и что произошло, когда он был в плену? Впрочем, Квинт определённо знал истину.

– Август изменился, – проговорил Аристон, обращаясь к центуриону. – Ты его лучший друг и должен был это заметить.

Центурион посмотрел на носилки и убедившись, что император не слышит их, ответил:

– Я с императором вижу его намного реже, чем мне бы хотелось. Но да, я обратил внимание на его переменчивость. Если позволите, то я выскажу своё мнение по данному поводу – лично мне кажется, что причиной является загружен-

ность государственными делами. Император устал и не привык так много работать.

– Возможно, Квинт, возможно. Но я полагаю, что нужно допросить Катона. Мне кажется, он знает, что происходит на самом деле.

Центурион напрягся и чуть не врезался в прохожего.

– Хотите совет? – Спросил Квинт и не дожидаясь ответа, продолжил. – Забудьте об этом. Не нужно никого допрашивать и искать правду. Это не ваше дело и императору явно не понравится то, чем вы занимаетесь ради него. Для вашего же блага.

Немного погодя, Аристон уныло кивнул головой. Это и вправду плохая затея. Император будет в гневе, когда узнает, что Аристон допрашивает его личных слуг. «Надеюсь Квинт прав...»

Вскоре они подошли к главной площади. Их приход, можно сказать, остался почти незамеченным, главным образом, для сенаторов, ибо народ был в курсе появления августа в городе, но на удивление, никто не кричал – виват император. Однако, многие из простолюдинов пытались пролезть сквозь толпу и преторианцев к императорским носилкам, но всё было тщетно.

Когда носилки остановились подле курии, нубидийцы аккуратно поставили носилки на землю и помогли императору вылезти наружу. Аристон уже слез с коня и молча ждал друга.

– Проклятье, – прорычал недовольно император и фыркнул. – Отныне и впредь я буду передвигаться на лошади. Возможно, тогда народ не поймёт, что среди них император. В общем, необходимо быть скромнее!

Подправив платье и диадему на голове, император величественной походкой направился вверх по мраморной лестнице и тут же неуклюже споткнулся. Аристон к счастью, находился рядом и помог ему не упасть. Вместо благодарности, Эмилий снова фыркнул. Фыркнул, как его любимая кошка Каннабис.

Проводив до дверей, преторианцы остановились. Вход для солдат с оружием был запрещён. Возможно, именно по этой причине в мартовские Иды, сенаторы зарубили Юлия Цезаря.

Аристон нервничал. Впервые в жизни он находился в здании Сената. Его тога была также с пурпурной полосой. Сейчас он был одним из них. Он надеялся, что сенаторы примут его радушно, ибо так или иначе он – наследник престола и к нему должны относиться с почтением.

Заметив волнение Аристона, император похлопал его по плечу.

Открыв главные двери, император ожидал увидеть, как минимум 500 сенаторов, но зал был практически пустой. Увидев принцепса, некоторые сенаторы перестали переговариваться и указывали пальцем на императора, показывая его приход своим собеседникам и остальным сиятельным отцам.

Никто не ожидал его прихода.

– Ну что, толстожопые старпёры, не ждали? – Громко спросил император и расхохотался собственным словам.

Аристону стало немного стыдно за своего друга. Теперь понятно, почему сенаторы так ненавидят императора. Вместо того, чтобы дружить с ними и союзничать, он смеётся над ними.

– Внимание класс! – Снова обратился император к сенаторам, подняв руки вверх. – Учитель выздоровел и занятия не отменяются. Уж простите.

Аристон ещё сильнее покраснел. Хотелось провалиться сквозь землю, лишь бы не быть свидетелем такого позора. Когда друзьям стыдно за своего приятеля, они делают вид, что они его не знают. Так и сейчас, Аристон поспешил занять своё место в ложе, чтобы никто не понял, кто он такой. Однако, в действительно, сенаторы всё это время смотрели отнюдь не на императора и его нелепое поведение, а на Аристона. Когда они зашли, сенаторы тыкали пальцем в наследника. Многие из них не видели Аристона воочию, лишь знали о нём по наветам и слухам, которые ходили в народе.

Аристон замешкался. Он не знал, куда сесть. Со всех сторон сенаторы высокомерно смотрели на него и тут же переговаривались.

«Наверное, воротят моё прошлое». Ему даже показалось, что кто-то прошептал слово «куртизан». Это его ещё больше смутило.

– Хэй, – крикнул кто-то.

Аристон начал искать источник звука и тогда незнакомец повторил, обращаясь к наследнику. Аристон, наконец, увидел человека, который звал его. Сенатор по-доброму смотрел в его сторону и звал к себе жестом. Окончательно, поняв, что незнакомец обращается к нему, Аристон подошёл к сенатору и сел рядом.

Незнакомцем оказался, на удивление, весьма молодой мужчина. Лет ему было примерно столько же, сколько сейчас императору. Возможно, даже меньше. Сенатор выглядел энергичным, бодрым и счастливым. Он сильно отличался от остальных, наверное, он здесь новенький. Сидел он в первом ряду, у стены. Было видно, что он не нашёл общий язык с сенаторами и предпочитал одиночество. В этом они были похожи с Аристоном.

Молодой сенатор был с тёмными, волнистыми волосами, которые почти доходили до самых плеч, с карими, добрыми глазами, внушающие доверие и весьма сильным телосложением. Аристон подумал, что он где-то уже видел этого человека, но он никак не мог вспомнить, где именно.

Между прочим, во время правления императора Эмилия, мода на причёски кардинально изменилась. Мужчины носили короткие бороды и длинные волосы, как император. Впрочем, во время правления Адриана Траяна, люди тоже носили бороды подобно ему.

Однако, сенаторы всё же придерживались традициям.

– Меня зовут Аппий Кезон, – произнёс молодой человек и протянул свою руку Аристону.

Когда Аристон пожал её, он хотел произнести своё имя, но замялся. Он боялся, если этот сенатор узнает его имя, он тут же пересядет от него.

– Не волнуйся, я знаю, кто ты, – неожиданно сказал Аппий Кезон.

Аристон удивился. Если этот человек знает, кто он, то почему он так фамильярно себя ведёт? Впрочем, эта простота в общении ему в некоторой степени только льстила.

– Я здесь впервые и не знаю, как себя вести, – посетовал Аристон.

– Если честно, я тоже не знаю, – прошептал Аппий и усмехнулся. – Иногда я не понимаю, что я здесь забыл, кто все эти люди и где я, орк побери?

Аристон рассмеялся. Благодаря Кезону, он успокоился и чувствовал себя намного увереннее.

В это время, император Эмилий наконец занял своё место в курульном кресле и ждал тишины. Сенаторы перестали переговариваться и внимательно смотрели на принцепса.

– Переключка! – Рывкнул император и рассмеялся. Его смех эхом отражался об стены залы. – Кто школу прогуливает?

Сенаторы безмолвствовали и нарочно не подыгрывали безумному императору. Но тут слово неожиданно взял Кезон.

– Так каникулы же, принцепс.

Аристон удивлённо посмотрел сначала на Кезона, затем на императора. Император тоже не ожидал такой дерзости. Он привык, что ему никто не отвечает. Он несколько секунд рассматривал смельчака и затем произнёс, уже серьёзно:

– Ты ещё кто такой? Я тебя не помню.

Кезон самодовольно хмыкнул и ответил спокойно:

– Аппий Кезон, ваше августейшество.

Император прищурился и тыкнул в него пальцем.

– Аппий Кезон, – повторил император. – Ты мне нравишься!

Император изменился в лице и расхохотался. Аристон вздохнул. Он был рад, что всё обошлось без кровопролития.

– Итак, сиятельные отцы, – наконец обратился император. Он поднялся с курульного кресла и заходил по залу. – Я полагаю, что многие из вас не явились по причине новости о моём недомогании, но я рад слышать от вас слова поддержки. – Император изменил голос, пародируя кого-то: – Ваше августейшество, мы безмерно рады, что вы здоровы и не престали пред богами. Очень рады. Мы вас так любим!

Кезон зааплодировал и присвистнул в знак одобрения.

– Отличная пародия, август! – Выкрикнул молодой сенатор.

Император улыбнулся и игриво подмигнул Кезону. После чего продолжил:

– Впрочем, я пришёл сюда не для того, чтобы вас упре-

кать. Я пришёл, чтобы поговорить с вами о народной проблеме, о голоде! Как вы знаете, я приказал раздать бедным провиант, но кто-то, злоупотребляя своими полномочиями, манипулирует людьми и морит их голодом, не подчиняясь моим приказам. К слову, если из вас кто-нибудь располагает данной информацией, то я прошу поднять руку.

Император замолчал. Спустя минуту, все так и остались без движения.

– Принцепс, не ждите, – проговорил Кезон. – Эти лжецы всё равно не скажут вам правду, ибо сами за этим стоят.

Сенаторы не сдержались и начали защищать себя, браня и осуждая в один голос молодого сенатора. В зале поднялся гул и какофония. Казалось, все сейчас набросятся на Аппия и разорвут его в клочья. Но императору понравилась такая смелость сенатора.

– Тишина! – Закричал император и замахал руками. Через несколько минут все успокоились и снова приготовились слушать. – Мне всё равно, кто из вас за этим стоит. Я понимаю, у вас есть все основания травить против меня народ. Но, я хочу сказать вам, сиятельные отцы, что я против вражды. И поэтому, я пришёл сюда не с пустыми руками, а с дарами.

Сенаторы слегка привстали, чтобы рассмотреть «дары», но в зале ничего не было.

Император закрыл руки и подошёл к первому ряду.

– Открой, – сказал император, обращаясь к старику. Ста-

рик долго мялся, не понимая, что хочет от него август. Рядом сидящие с ним сенаторы подсказывали ему. Наконец, старик положил свои дряхлые ладони на руки императора и открыл «шкатулку». В руках императора ничего не было, и сенаторы недоумевали.

– Что ты видишь, дорогой Куртаний? – Обратился император к старому сенатору. Сенатор удивился, что он помнит его имя.

– Ничего, ваше августейшество, – ответил, волнуясь, Куртаний.

Император улыбнулся и погладил старика по волосам.

– Здесь ваша власть, – проговорил ласково император. – Ваши полномочия. Я возвращаю их вам, впредь Сенат снова является римским парламентом. Отвечайте за военные дела, законодательные, делайте всё, что вам вздумается. Также я собираюсь уменьшить налог, который вы платите и надеюсь, не всеу.

Сенаторы некоторое время молчали и не знали, как реагировать на слова императора. Он был таким добрым и странным, сенаторы ещё никогда не видели августа таким.

– Вы сейчас проверяете нас на верность? – Спросил один из сенаторов в третьем ряду.

– Нет, вовсе нет, мой милы друг, Марк, – ответил император. – Я предлагаю вам свою дружбу, но взамен вы должны обещать мне, что прекратите стравливать народ против меня. Вы же не хотите, чтобы полетели головы, верно? Ведь

ваше поведение равно государственной измене, и я вправе казнить вас всех. Но я не такой, я добрый император, любящий, для меня главное, чтобы все были счастливы.

Император сложил руки спереди и улыбнувшись, ждал реакции сенаторов. Несколько минут, сенаторы оживлённо обсуждали предложение императора.

– Аве император! – Неожиданно воскликнул Кезон.

Через несколько секунд, сенаторы подхватили слова Кезона и по нарастающей, скандировали «Аве император! Аве Цезарь!»

Император самодовольно улыбнулся и застенчиво прикрыл лицо тогой. Он понял, что заседание окончено и решил покинуть зал. Аристон заметил это и поспешил за ним.

– Спасибо за компанию, Аристон, – бросил Аппий вслед Аристону. Вместо ответа Аристон слегка улыбнулся и махнул ему рукой.

Аристон так торопился, что чуть не запутался в тоге и не упал лицом вниз, но быстро справился и нагнал своего друга. Когда они вышли, Аристон одобрительно похлопал императора по плечу и выдохнул.

– Ты это серьёзно? – Спросил Аристон.

– Серьёзнее некуда! – Ответил энергично император. Было видно, как он возбуждён.

– Ты не боишься последствий?

– Если честно мне плевать, – сказал Эмилий. – Я снял с себя обузу и теперь чувствую себя намного легче. Ты сам

мне посоветовал так поступить, поэтому не надо меня упрекать. Я поступил правильно, ясно? Теперь у меня будет больше времени, чтобы заниматься мирскими делишками и радовать народ своим присутствием.

Император остановился возле носилок и повернулся к Аристону. Несколько секунд его лицо выражало то восхищение, то задумчивость.

– Как тебе Аппий Кезон? – Наконец спросил император.

– Мне он показался слишком дерзким и неучтивым, – честно ответил Аристон. По правде, молодой сенатор оказал на него, в конце концов, отрицательное впечатление.

– А мне напротив, очень при очень понравился, – игриво проговорил император. – Я ценю дерзость и юмор в людях. Этот парень такой простой, не пыжится, он тот, кто есть и не играет роль льстивого жополиза.

Аристон слегка расстроился. Что-то вроде ревности в нём проснулось. Он не хотел, чтобы его заменили на кого-то Аппия Кезона. Признаться, он стал собственником.

После успешного совета, император и наследник престола тут же направились восвояси на Палатин во дворец. После своего первого присутствия на заседании Сената, Аристон не ощущал практически никаких эмоций, кроме тех, что подарил ему Аппий Кезон. Это воистину дерзкий и из-

балованный мальчишка, который не видит никаких границ субординации. Так разговаривать с императором – это недопустимо. По крайней мере, так считал Аристон. Скорее всего, он был озабочен не нахальным поведением Аппия Кезона, а тем, что он понравился императору. Аристон встряхнул кучерявой головой, чтобы отвлечься от неприятных мыслей.

Император передал фактически всю власть в руки Сената – это Аристон считал опрометчивостью и легкомыслием. Когда он говорил, что август должен уменьшить бремя государственных функций с себя, он не имел в виду, что все полномочия нужно передать Сенату. Аристон не удивится, если император ещё вернёт из ссылки Урсулу и Адриана. Тогда появление Аристона будет совершенно напрасным.

«О боги, помогите мне».

Пока по дороге во дворец ничего важного не происходило. Они минули главную площадь и проезжали мимо агоры. И тут началось нечто необычное. Квириты, заметив появление императорских носилок и преторианцев, покинули свои места покоя и направились к императору. Среди них были и женщины, и старики, и молодые квириты. Большая часть их была плебеями и безларниками, некоторые – торговцы, которые побросали свои лавки ради такого случая. Какого случая? И что им всем нужно?

Но вид этих людей не внушал доверия. Обстановка явно была напряжена. Аристон напрягся. Квинт тоже.

– Держи руку на рукоятке, – прошептал Аристон, обраща-

ьясь к центуриону. Несмотря на то, что он был наследником престола, он всё ещё чувствовал за собой ответственность и обязанность защищать императора. Но сейчас он заметил, что за поясом было пусто и не оказалось меча. Он бросил проклятье и попросил у Квинта нож.

– Не бойся, мои люди смогут защитить и императора и тебя, – проговорил успокаивающе Квинт.

Аристон слабо кивнул. Он всё ещё помнил мятеж. Тогда народ легко справился с преторианцами и рабами. Если бы не Аристон, император бы погиб и Римом правил Корбулон.

Народ пытался протиснуться к носилкам. Они кричали и плакали, прося о помощи.

– Император, мы голодаем! – Кричали они. – Наши дети хотят есть, они умирают! Твой народ – умирает!

– Да что проку! Император поди с утра до вечера со своим любовничком кутит налево и направо, пьёт дорогое фалернское вино, да лопаёт вдосталь. Что император? Сидишь в носилках? Настолько отъел своё брюхо, что уже пешком не можешь пройти? А где твой наследничек? Где любовник твой?

Эти мерзкие слова принадлежали грязному отшельнику. Он находился так близко, что даже император его слышал. Народу понравились слова смельчака и вскоре уже все бросали непристойные шуточки в адрес повелителя.

Аристон покраснел, как рак. Оскорбляя императора, они оскорбляли его.

– Да как ты смеешь оскорблять своего повелителя?! – Не выдержал Аристон и слез с коня. Он вытащил из ножен одного из преторианца гладий и подошёл к смельчаку. От отшельника смердело мочой и вином. Он явно был пьян.

Отшельник грудью толкнул Аристона назад, давая понять, что он не боится его.

– Отойди, мальчик, не видишь взрослые разговаривают? – Дерзко произнёс отшельник.

Он словно провоцировал Аристона. Если он зарубит его, то начнётся бунт. Люди будут драться и мстить за своего человека. Однако, Аристон не смог сдержать гнев и вонзил свой меч в живот отшельника. Те, кто стоят сзади, не понял, что произошло дотол, пока отшельник не упал в ноги наследника.

– Убийца! Император всё решает мечом! Для него жизнь квирита ничего не стоит! Император возомнил себя богом!

Народ бесновался. Людей прибавлялось, приходили новые и с оружием. Аристон не знал, что делать. Он допустил ошибку из-за своей гордыни. Они сейчас находились в засаде озлобленных людей, которые готовы были растоптать императора вместе с преторианцами. Аристон медленно отошёл от мёртвого отшельника и подошёл к императору. Император был недоволен. Брови его были сдвинуты на переносице. Он был зол и казалось, сейчас весь его гнев материализуется в молнии, которыми он поразит народ.

– Он назвал меня толстяком! – Прошипел император.

Аристон удивился. Неужели, императора только это сейчас занимало?

– Эмилий, что будем делать? – Спросил Аристон, держа в руках меч.

Император не стал ничего отвечать. Вместо ответа, он раскрыл шторы и вышел из носилок. Увидев императора, народ слегка попятился назад. Одно дело угрожать правителю, когда тот находился за занавесом, другое – в лицо.

Август подправил тогу и величественно встал напротив толпы. Посмотрев на труп, он с соболезнованием проговорил:

– Надеюсь, этот человек найдёт покой на Элисейских полях. – Затем он возвёл руки к небу и заговорил ещё громче, обращаясь к народу. – О римляне! Мои дорогие друзья, знайте, я всё время думаю о вас. Для меня истинная отрада – лицезреть вас счастливыми. Денно и ночью я разбираю государственные дела. Один. Ибо я убрал тех мошенников и разбойников, что злоупотребляли своими полномочиями в угоду себе. Я услышал вас, и ведаю о ваших проблемах. Но хочу повториться, торговые суда привезли несколько десятков мешков зерна, которые я приказал тут же раздать малоимущим жителям. Я не знаю, почему мой приказ не был исполнен, но я делаю всё, чтобы решить эту проблему. Сейчас я возвращаюсь из здания Сената, невзирая на то, что получил травму и чуть не погиб наемдни. Другой бы на моём месте перенёс бы заседание, но я думаю о вас, о вас, мои дру-

зья! И темой для обсуждения послужил именно голод. Сегодня же вам должны раздать хлеб, ибо я обо всём позаботился. Прошу вас, мои милые граждане, не уподобляйтесь варварам и расходитесь. Я как справедливый и милосердный император, вас всех прощаю, ибо вы дороги мне, и я вас всех безмерно люблю, как своих детей.

Император обвёл толпу доброй улыбкой и жестом попросил уходить. Немного погодя, народ всё же начал расходиться. Многие из них поблагодарили императора и пожелали ему долгих лет жизни. Аристон немного успокоился. Когда толпа освободила проход, император понял, что можно продолжить путь.

– О боги, это было очень смело с твоей стороны, – проговорил Аристон и выдохнул.

Эмилий самодовольно улыбнулся и крикнул в толпу:

– И я не толстый!

Народ слегка усмехнулся.

«Лучше бы ты сказал, что я не твой любовник,» – слегка обиделся Аристон.

К счастью, обошлось без кровопролития. Кроме того отшельника, которого зарубил Аристон. Ему всё ещё было стыдно за своё поведение. Он не справился со своими эмоциями и стал их рабом. В отличии от императора. Аристон отдал окровавленный меч его хозяину и залез на коня. Он посмотрел на Квинта и увидел в его глазах негодование. Он был также не доволен поступком Аристона.

– Да, да, я был не прав, всё, хватит на меня так смотреть, – пробурчал Аристон и схватившись за узду, замер.

Квинт вопросительно посмотрел на Аристона и молча требовал ответа.

– Защищайте императора, – процедил сквозь зубы Аристон и упал вниз. Лошадь испуганно встала на дыбы, чуть не раздавив тело наследника. В плече Аристона торчала стрела.

– Император! В укрытие! – Закричал Квинт и быстро спешился со своей лошади вниз.

Эмилий недоумённо посмотрел на Квинта и это чуть не стоило ему жизни. Вовремя подоспевший незнакомец, толкнул императора влево и стрела, которая летела, тут же вонзилась в деревянные носилки.

– О боги, опять покушение! – Запричитал император. – Кто стреляет?

Посмотрев на испуганную толпу, которые бегали из стороны в сторону, пытаясь найти укрытие от снайпера, император понял, что они к этому не причастны.

– Принцепс, прикройся, – сказал незнакомец и забрав у преторианца цилиндрический щит, закрыл им тело императора. Император присел на корточки и не высовывался.

Тут незнакомец в тёмном плаще присмотрелся вдаль и найдя снайпера, ринулся ему навстречу.

– Дурачок, возьми щит! – Крикнул император незнакомцу. – Он же убьёт тебя!

Но на удивление, лучник ни разу не попал по бегущему

незнакомцу, словно он отражал от себя эти стрелы. Настигнув цель, незнакомец вытащил меч и зарубил лучника. Император убрал щит и стал разглядывать незнакомца.

– Ура! Этот человек спас императору жизнь! – Кричал кто-то из толпы.

Квинт убрал меч в ножны и нагнулся к Аристону. Только он сейчас был больше всех озабочен его здоровьем. Пока император ликовал своему спасению, он незаметно для всех, запрокинул тело Аристона на лошадь и отправился в преторианский лазарет. Преторианцы молча кивнули своему командиру, считая его поведение разумным на данный момент.

Незнакомец в качестве трофея захватил лук со стрелами и поднял их вверх.

– Кто ты такой? – Спросил счастливый император, встречая своего спасителя.

Незнакомец положил трофей на землю и снял капюшон. Император раскрыл глаза от изумления.

– Мы с тобой уже знакомы, принцепс, – ответил Аппий Кезон.

Император рассмеялся. Он подошёл к Аппию и заключил его в тёплые объятия. Аппий был чуть ниже императора, но это было почти незаметно.

– Ты спас мне жизнь, сенатор Аппий, – сказал император. – Я у тебя в долгу. Проси, что хочешь!

– Единственное, что я хочу, это служить тебе, император, – ответил Аппий Кезон.

– Мы можем это обсудить за ужином, мой милый новый друг, – проговорил игриво Эмилий и поманил его своей рукой к себе в носилки.

– Почту за честь, принцпес, – также игриво ответил сенатор.

Центурион Квинтилий привёз тело наследника престола в преторианский корпус. Заметив примипила, преторианцы расступились. Хоть он был и ниже по званию с трибуном, но его здесь уважали. Он был ближе всего к императору и, следовательно, всё зависело от него. Именно на нём лежало бремя ответственности за весь Рим в целом, ибо он защищал императорскую семью.

Заметив, что центурион везёт на лошади чьё-то тело, преторианцы вопрошали, кто это. Квинт не стал отвечать, вместо этого он слез с лошади и приказал привезти носилки. Преторианцы не стали ждать и тут же выполнили приказ. Погрузив раненное тело Аристана, двое солдат в сопровождении центуриона быстрым шагом направились в лазарет.

– Кто это? – Спрашивали все. – Этот явно не из наших солдат.

Аристон был в плаще и его пурпурную тогу было смутно видно. Центурион хорошо позаботился о том, чтобы Аристана никто здесь не узнал, для его же безопасности. Если кто-то об этом узнает, то в Риме тут же распустят сплетни о гибели наследника престола.

В лазарете ребята погрузили наследника на операционный стол и отдали его жизнь в руки специалиста. Центурион попросил выйти помощников и приказал им обо всём молчать. Те приняли приказ и покинули лазарет.

Врач осмотрел тело Аристона и попросил о помощи центуриона. Квинт понял лекаря и быстро разрезал Аристону одежду. К счастью наследник всё ещё был жив. Стрела не задела жизненно важные органы. Он был в сознании, но его лихорадило.

– Император, император, – бормотал Аристон, лёжа на животе.

Врач щипцами залез в рану и вытащил остаток стрелы из плеча Аристона. Больной почувствовал это и вскрикнул от боли. Центурион схватил его и опустил обратно на стол.

– Тише, тише, – прошептал успокаивающим тоном центурион.

Лекарь промыл рану и зацокал. Центурион вопросительно посмотрел на него.

– Стрела была отравлена, – ответил врач. – Кто-то хотел убить наследника.

Центурион изумился пронизательности лекаря. Как он понял, что это наследник?

– Не бойся, центурион, я никому не скажу, – сказал врач, заметив, как Квинт нервничает.

– Яд уже успел проникнуть в кровь? – Спросил осторожно Квинт. Сейчас он больше всего боялся не того, что знает

врач, а то, что наследник престола может умереть из-за него.

– Я наложил на рану компресс, который высасывает яд, – ответил врач. – На всё воля богов. Если ему суждено править этой страной – то мальчик выживет. Кстати говоря, а император знает о случившемся?

Центурион отрицательно покачал головой.

К вечеру, император Эмилий приказал накрыть на стол и пригласить танцовщиц и музыкантов. Старик Катон спросил тогда:

– Неужели вечеринка? Вы уже успели пригласить гостей?

– Да, – ответил тогда Эмилий. – Моего нового друга – Аппия Кезона!

Пока рабы готовили, император решил провести экскурсию по своему дворцу. Аппий показался ему хорошим человеком. Он был жизнерадостен, весел, добр, обладал неплохим чувством юмора. Но самое главное, это то, что они друг друга понимали с полуслова. Такое чувство, что они жили всю жизнь вместе, словно братья. Находясь рядом с Аппием, император чувствовал себя комфортно и не стеснялся в эмоциях. Он доверял ему, как самому себе. Хотелось рассказать всё, что его так давно гложет и он почему-то знал, что этот человек никогда его не предаст.

Вечером, сидя за столом и попивая за беседой вино, Аппий Кезон перестал смеяться и устремил свой взор на ношу в углу. Император заметил это и поспешил ответить:

– Это скульптура, подарок от покойного предателя Корбулона.

Аппий Кезон поднялся из-за стола и подошёл к ноше. Император немного смутился. Он подбежал к сенатору и постарался отвлечь его внимание от подарка, он не хотел, чтобы кто-то смотрел на его любимую скульптуру, которую он итак спрятал от лишних глаз. Аппий убрал ткань со скульптуры и ахнул от изумления. Император прикрыл лицо рукой и покраснел.

– Это же Аристон, – сказал сенатор и улыбнулся.

– Нет, ты ошибаешься, – буркнул император и забрал ткань из рук Аппия. – Это Дионис.

– Не, не, я точно уверен, что это тот славный молодой человек, с которым я сегодня имел честь сидеть рядом.

Аппий попытался выхватить ткань у императора, который пытался прикрыть скульптуру и рассмеялся. Император отпустил полотно и обиженно отвернулся, скрестив руки на груди. Увидев это, сенатор волей-неволей прикрыл тканью скульптуру и подошёл к императору.

– Он для тебя больше, чем друг, – предположил Аппий.

Император вздохнул и вернулся к ужину. Аппий сел рядом и ждал душевного разговора.

– Ты можешь довериться мне, Эмилий, – проговорил Аппий.

Он обратился к нему, как к своему другу. Эмилием мог называть его только один человек – Аристон. Даже собствен-

ная мать обращалась к нему, как к правителю, а не как к сыну.

Эмилий приказал всем уйти и остался наедине с новым другом. Он налил себе полный рог вина и быстро осушив его, вытер усы тыльной стороной руки.

– Я знаю тебя всего один день, но мне кажется, что знаю тебя всю мою жизнь, – начал говорить Эмилий, слегка заплетающимся языком. – Аристон и вправду для меня много значит. Но я...

– Что? – Спросил Аппий, смотря Эмилию в глаза.

– Я солгал ему. Обманул. Сделал всё в угоду себе. Я – эгоист! Это я должен был умереть тогда, а не Кисса. Эта женщина по-настоящему проявила скорбь, а я в то время гулял с утра до ночи и пил вино до потери сознания. Я – не мужчина. Я – не император. Я – никто. Я не заслуживаю его дружбы, его любви ко мне, его сострадания. Я трус, раз даже не могу признаться ему во всём. Мне страшно. Я подкупил всех, кто знает правду, сослал Остория – хотя он был прекрасным государственным секретарём. Я – чудовище!

Эмилий закрыл лицо руками и заплакал. Император думал, что Аппий сейчас уйдёт от него, ибо то, что он только что сказал – было весьма недостойно. Но вместо этого, Аппий неожиданно подошел ближе и приобнял императора. Эмилий убрал с лица руки и с удивлением посмотрел на сенатора.

– Не кори себя, – проговорил тихо Аппий. – Всем нам

когда-нибудь приходится лгать. Ты солгал не в угоду себе, ты солгал, чтобы защитить своего друга. Это благородно с твоей стороны. Ты должен отпустить прошлое и жить сегодняшним днём. Если ты будешь всё время думать об этом и упрекать себя, то ты заболеешь и умрёшь. Это будет снестать тебя изнутри, в первую очередь пострадает твоя душа.

Эмилий перестал плакать и смачно высморкался в собственную тогу.

– Наверное, ты прав. Спасибо тебе, Аппий. Мне стало намного легче. – Император выпил ещё немного вина и задумался. – А где Аристон? Я совершенно забыл о нём! В последний раз я его видел, когда он зарубил того несчастного на площади.

– Это было опрометчиво с его стороны, – прокомментировал Аппий. – Разве можно так просто распоряжаться чужой жизнью? Быть может, тот человек был душевнобольным и не ведал, что говорит. А твой «сын» просто взял и показал своё превосходство и власть над ним. Он стал слишком высокомерным и горделивым. Гордыня – есть порок. Ты совершенно его избаловал, мой друг.

– Он изменился, – продолжил Эмилий. – Он стал холодным и грубым солдафоном! Всё из-за этой войны. Зачем он вообще пошёл в поход? Чтобы показать, что у него железные яйца? – Эмилий перестал жалеть наследника и его сострадание перешло в отвращение и злобу. – Я заботился о нём, велел ждать в лагере, а он обманул всех и притворился легио-

нером. Это так неразумно. И что в итоге? Он попал в плен, заставив меня мнить его погибшим и страдать. Это он эгоист – а не я, верно я говорю?

– Абсолютно с тобой согласен, август, – ответил Аппий и отпил немного вина. – А во время покушения на вас, сегодня, я видел, как он сбежал.

– Что?! – Изумился император и чуть не упал с ложа. Он был изрядно пьян.

– Говорю только то, что видел, – сказал Аппий. – Когда лучник стрелял в вас, Аристон, если позволишь его так называть, тут же развернул свою лошадь и ускакал. Причём был он не один. Центурион также последовал за ним. Офицер ставит жизнь наследника выше, чем твою. Он радел лишь о его защите, а тебя, август, просто бросил на произвол судьбы с кучкой преторианцев. Хорошо, что я тогда проходил мимо и заметил вас. Возможно, если бы не я, ты бы сейчас был мёртв.

Эмилий наигранно всплакнул и шмыгнул.

– Квинт – мой лучший друг и променял меня на этого эллина. Все меня предают, даже Аристон.

– Быть может, весь преторианский корпус уже давно присягнул Аристону, и все только ждут вашей кончины, чтобы объявить нового императора.

– Да не-е-ет, Аристону это не нужно. Он не такой, я точно знаю!

– Любому человеку вскружит голову власть. Никто не мо-

жет перед ней устоять. Поэтому, будь осторожнее, август.
Никому не доверяй.

Глава 2. Молодой сенатор

Весь день примипил-центурион Квинтилий дежурил подле преторианского лазарета, молясь всем богам Олимпа. Он чувствовал свою вину перед Аристом, ибо на нём лежит ответственность за жизнь императорской семьи. Ему нужно было быть внимательнее. То, что стреляли в Аристона отравленной стрелой ясно говорило о покушении – желание убить именно наследника престола. Кто-то следил за ними и знал, что цезарь был в эскорте императора, маскируясь под телохранителя. Это говорило лишь об одном – заговор. Но кто желал смерти Аристону? Адриан сейчас далеко от Рима – император сослал его на Корсику, в то время как Урсула жила во дворце на Капри. Главные заговорщики были разъединены и никак не могли контактировать. Тогда кто за эти стоит? Центурион хотел разобраться во всём лично.

По наступлении темноты, Квинт стоял, облокотившись на каменную стену лазарета и смотрел на звёздное небо. Сверчки тихонько щебетали в кустах, а преторианцы смеялись, рассказывая друг другу истории за ужином подле костра. Тут на улицу вышел старый врач преторианского корпуса, который лечил Аристона. Его звали – Филипп и он был родом из Греции. Можно сказать, соотечественник наследника престола. Услышав приход лекаря, Квинт повернулся к нему ли-

цом, требуя новостей.

– Он проснулся, – ответил Филипп, улыбаясь. – Мне даже удалось с ним немного поговорить, первые его слова звучали на греческом. Как приятно снова услышать родной язык.

Квинт не стал предаваться ностальгии вместе с врачом, а тут же направился к Аристону.

В комнате было темно, свет исходил лишь от сальной свечи, которая стояла на тумбочке в углу. Запах стоял терпкий и резкий – от лекарства. Квинт медленно подошёл к Аристону и встал напротив. Он стоял сейчас, как преданный солдат перед своим командиром и словно ждал приказа.

– Где император? – Спросил слабо Аристон. Он полусидел на кровати, прикрывшись одеялом. Рядом стоял кувшин с водой. Его кудри прилипли ко лбу. Здесь и правда было жарко и душно.

– С ним всё хорошо, – ответил центурион и обернулся вокруг. – Не хотите подышать свежим воздухом, доминус?

– Было бы неплохо, – ответил Аристон.

С помощью сильных рук центуриона, юноша поднялся с кровати и обернувшись в плащ Квинта, вышел на улицу. Там уже они нашли деревянную скамейку подле холодной кирпичной стены и расположись. Аристон несколько раз набрал лёгкие свежим воздухом и прикрыл глаза, испытывая прилив сил.

– Стрела была отравлена, кто-то хотел вас убить, – начал серьёзно говорить центурион, внимательно следя за ре-

акцией Аристона. Но Аристон никак не реагировал, словно ему было всё равно. Впрочем, так и было. Живя в Риме, он несколько раз встречался лицом к лицу со смертью.

– Император не ранен? – Спросил Аристон, пропустив слова Квинта мимо ушей. Его сейчас волновал только Эмиллий.

Квинт слегка прорычал. Он был недоволен, что Аристон не ценит собственную жизнь. Нехотя он всё же ответил:

– С ним всё прекрасно. Скажите спасибо этому высокомерному сопляку Аппию Кезону. Орк его побери, и откуда он только взялся? Не думаю, что это совпадение. Задницей чувствую, что всё было подстроено.

– Прости, Аппий Кезон? Я не ослышался? – Удивился Аристон и задумался.

– Вы знаете его? – Также удивился Квинт и немного покраснел. Он и понятия не имел, кто на самом деле Аппий Кезон, поэтому так смело говорил про него.

– Да, это молодой сенатор, с которым я сегодня познакомился в курии, – ответил спокойно Аристон.

Квинт ударил себя по лбу и чуть не уронил шлем, который держал на коленях.

– Спокойно, Квинт, мне он тоже не понравился, – сказал Аристон. – Как молодой сенатор сумел обезвредить лучников?

– Лучника, – подправил центурион. – Он был один. Аппий Кезон ринулся навстречу стрелам и что ещё более странно,

в него ни разу не попали, словно лучник не собирался в него стрелять, а целью было лишь напугать людей, создав шум и панику. Разумеется, смельчак убил стрелка голыми руками и оказался героем-полубогом в глазах не только народа, но и императора. Теперь все о нём только и говорят, на каждом углу слышно – Аппий Кезон, Аппий Кезон!

Аристон не стал ничего отвечать. Он почесал подбородок и задумался, глядя на чистое небо. Всё и вправду было слишком странно. Слова центуриона имели смысл. Этот солдат слишком пронизателен и как Аристон уже говорил – лучший следователь в Риме. Кому и поручать такое дело, так это только Квинту.

Аристон поднялся со скамьи и чуть не упал. Он был слишком слаб, чтобы куда-то идти. Поэтому он решил подождать до утра, чтобы вернуться обратно во дворец.

Утром молодой Цезарь чувствовал себя намного лучше. Впрочем, не достаточно хорошо, чтобы покинуть преторианский лазарет и вернуться восвояси в Палатин. Но вопреки просьбам и уговорам центуриона Квинта, Аристон настойчиво решил отправиться к императору, не взирая на то, что его состояние нельзя было назвать благоприятным для поездки. Аристон был слишком озабочен вчерашним вечер-

ним разговором с центурионом и его сильно беспокоило случившееся на площади. Это явно произошло не случайно и имело значение. Стрела попала именно в Аристона – значит кто-то хотел снова его убить. Неужели, Адриан в Риме? Это Аристону ещё предстояло узнать, а пока он, в сопровождении небольшого эскорта из преторианцев во главе центуриона Квинтилия, ехал на вороном коне во дворец.

Плечо всё ещё болело, но компресс, который поставил греческий врач Филипп, в большей степени помог и от яда не осталось ни следа. Интересно, те, кто покусился на его жизнь – будут удивлены тому, что молодой наследник остался жив?

Утро было знойным. Июньское солнце пекло голову. Аристон надел капюшон, чтобы как-то уберечься от обжигающих лучей Аполлона. Голова немного кружилась, но Аристон старался держать себя в чувствах. Ему нужно встретиться с Эмилием во что бы то ни стало. Если этот сенаторшка Аппий Кезон сейчас во дворце, жизнь императора в опасности. Поэтому Аристон ускорил свою лошадь и бросив сзади всадников, ринулся во дворец. Впрочем, они итак были уже рядом.

По прибытии, Аристон отпустил преторианцев, но центуриона он попросил остаться.

– Держи меч наготове, – посоветовал Аристон ему.

Впрочем, центурион не стал задавать никаких вопросов и молча подчинился приказу. Он тоже не доверял Аппию и чувствовал напряжение.

Аристон снял дорожный плащ и отдал его в руки проходящего раба, затем направился в сторону тронного зала, надеясь найти императора там. Время полдень, и он должен был уже приступить к своим обязанностям. В последнее время император вставал очень рано.

Не успел Аристон зайти в тронный зал, как услышал доносившееся мужской смех из триклиния. Голоса было два и оба они казались знакомыми. Первый принадлежал императору, а второй Аристон не мог вспомнить.

Центурион посмотрел на Аристона, ожидая его последующих действий. Цезарь, разумеется, направился к источнику звука. Подойдя к арке, ведущей к триклинию, Аристон остановился и спрятался за стеной, не решаясь показать себя. Квинт вложил меч в ножны, поняв, что повода для беспокойства нет. Это всего лишь император проводит время со своим новым другом. Новым другом?

– В детстве я безумно любил наряжаться девчонкой, – говорил пьяным голосом Эмилий, полулежа на кресле. – Мой отец жестоко наказывал меня за мои выходки, называя меня уродом. А я не понимаю – почему мы все должны следовать этим треклятым стереотипам? Мужчина должен обязательно быть воином, а женщина – примерной женой. Неужели, нельзя нарушить систему и сделать так, чтобы все были равны? Был бы отдельный легион, где служили бы только женщины-амазонки, а мужчины – воспитывали бы дома детей и честно ждали своих жён с войны. Было бы забавно!

Аппий Кезон расхохотался словам Эмилия и заплодировал.

– Мир бы сошёл с ума! – Прокомментировал сенатор. – Мужчины бы стали носить платья и выходить замуж за себе подобных мужей. Мужчина должен быть мужчиной во всех смыслах этого слова.

Эмилий презрительно фыркнул, выражая недовольство и попросил рабыню налить ему ещё вина. Смуглая, молодая девушка, лет пятнадцати, дрожа всем своим хрупким телом, подошла вплотную к пьяному императору и подняв тяжёлый кувшин, стала наливать вино в золотой бокал императора. Было видно, как девушка волнуется и боится правителя. Пока девушка наливала, император неприлично наблюдал за рабыней.

– Хм, у тебя красивое платье, – сказал император, обращаясь к рабыне.

– Благодарю, ваше августейшество, – неуверенно ответила девушка.

– Раздевайся, – неожиданно приказал император.

Девушка с недоумением посмотрела сначала на императора, затем на сенатора. Она словно просила о помощи, безмолвно молилась богам...

– Господин, прошу вас...

– Как смеешь ты, женщина, противиться приказам своего императора? – Высокомерно сказал Аппий.

Девушка шёпотом извинилась. Она опустила голову вниз,

чтобы не показывать свои слёзы. Аристон был более чем изумлён. Неужели его друг решил устроить оргию среди бела дня?

Девушка медленно начала снимать лямки со своего платья, небесного цвета, пытаясь одновременно прикрыть молодую грудь.

Аппий Кезон наслаждался красавицей, а император тем временем уже снял с себя тогу и стоял напротив девушки в одной набедренной повязке. Его тело было тощим, но сильным. Грудь покрывали чёрные волосы, которые делали его мужественнее. Аристон продолжал наблюдать за картиной. Если император захочет надругаться над молодой девушкой, он вмешается.

Рабыня сняла последнюю лямку и платье медленно сползло вниз. Девушка быстро прикрыла грудь и пах. Голову она не поднимала. Её тёмные волосы тряслись. Рабыня дёргалась в лихорадке как от волнения, так и от рыдания.

– Оставь и мне кусочек, Эмилий, – попросил Аппий, облизывая губы.

Император подошёл почти вплотную к девушке и погладил её по голове. Аристон напрягся. Он уже готов был выйти, но то, что произошло дальше, его остановило.

Император поднял с пола платье и начал его надевать на себя. Рабыня перестала плакать и осмелилась посмотреть на правителя. Аппий тоже был изумлён. Эмилий надел на себя шёлковое голубое платье и горделиво выпрямился. Его силь-

ные руки и волосатая грудь, к сожалению, не делали его женственнее. Однако, император так не считал. Он убрал свои локоны назад и самодовольно улыбнулся.

– Меня теперь зовут – Елена, – проговорил император, имитируя голос женщины. И следует заметить, это у него неплохо получалось.

Он отпустил рабыню и попросил её надеть новое платье. Аппий расстроился. Он явно готовился к совместной оргии.

– А ты что хотел? Не буду же я измываться над маленькой девочкой.

Аристон выдохнул. Он понял, что пора дать о себе знать. Он отпустил центуриона – больше он не видел надобности его здесь задерживать. Помощь ему больше не нужна.

Когда Аристон зашёл, он, безусловно, сделал вид, что не подслушивал их и ничего не видел. Заметив Аристона, Эмилий поперхнулся вином и долго кашлял, прежде чем что-либо сказать.

– О боги, ты меня чуть не убил! – Пожаловался император.

– Прошу меня простить, август, – почтительно сказал Аристон, с недоверием поглядывая на Аппия Кезона. Кезон не казался удивлённым, словно он ожидал прихода Аристона. Значит, он не причастен к покушению?

Аристон подошёл ближе и спросил:

– Как вы себя чувствуете, август?

Он нарочито обращался к нему, не как к своему другу, а

как к императору, чтобы напомнить этому выскочке сенатору, кто такой Эмилий. Ему не понравилось, что Аппий назывался его по имени. Только Аристон мог называть императора так. Возможно, он даже ревновал.

– Я? Я – пьян! Мне и хорошо и одновременно хочется блевать. Но я т-а-ак устал, Ахиллес. Ты ведь Ахиллес?

Император поднялся с ложа и чуть не упал. Шатаясь, он подошёл к Аристону и поцеловал его в губы. От Эмилия смердело вином. Аристон брезгливо убрал от себя тело императора и вытер слюнявые губы тыльной стороной руки.

– Ахиллес, ну что ты? Это же я – Елена. Твоя любовь! Спаси же меня! Спаси!

Император начал приставать к Аристону, лапая его за заднюю часть и пытаясь поцеловать. Аппий Кезон наблюдал за этим и громко смеялся.

Аристону надоело это и не рассчитав силы, он отбросил императора назад, отчего тот упал на пол и чуть не ударился головой об стол. Плечо дало о себе знать и Аристон сжав зубы, схватился за руку. Он не хотел беспокоить императора по этому поводу. Император поднялся и сел на пол. Аппий Кезон вступился в его защиту:

– Да как ты смеешь! Ты чуть не убил императора!

Эмилий махнул рукой, прося прекратить кричать. У него болела голова после ночной пьянки.

– Не упрекай его, – сказал император, заплетавшемся голосом. – Этот куртизан всё ещё не научился манерам. Всё

время меня позорит. Из-за него надо мной все смеются в Риме. Где это видано, чтобы император назначил своим наследником какого-то раба. Ну ладно, ладно – бы-в-ш-е-го.

– Полностью с тобой согласен, Эмилий, – сказал Аппий.

Сейчас Аппий напоминал Адриана. Та же улыбка и то же высокомерие.

Аристон сжал кулаки от злости. Он хотел что-то сказать, но передумал. Эмилий слишком пьян, чтобы понять его. Возможно, он забудет обо всём. Но суть в том, что пьяные люди смелее в словах и говорят то, что думают на самом деле. От этого было ещё больней. Аристон повернулся спиной и зашагал прочь. Эмилий не видел, как он уходил. Он разложился на полу и уже храпел.

Аристон понял, что Аппий Кезон не просто так появился в жизни его друга. Он хочет поссорить императора с ним, чтобы избавиться. То же самое хотели Адриан и Урсула. Следовательно, кто-то явно причастен к этому.

Аристон покинул дворец и вернулся в преторианский корпус. Пока Аппий Кезон находится там, он не должен появляться на Палатине. Он должен во всём разобраться здесь, вместе с Квинтом.

Высокие золотые колосья в унисон колебались под воздействием тёплого южного ветра. Поле было настолько золо-

тым, что казалось – под ногами солнечный диск. Прекрасный юноша сидел подле старого дуба и созерцал закат. Император шёл, раздвигая руками колосья в направлении дерева. Колосья были настолько мягкими, что напоминали чем-то пушистую ковыль.

– Аристон, – сказал император, когда подошёл к юноше. Аристон отошёл от дерева и повернулся к императору лицом. Его голубые глаза смотрели на властителя укорительным взглядом. Взглядом отца на провинившегося сына. Император хотел с ним поговорить, но Аристон не стал его слушать. Медленным шагом он уходил. Уходил в закат. Ещё немного и он растворился.

Эмилий открыл глаза. «Какое счастье, что это был всего лишь сон», – подумал он.

Несколько минут он нежился в постели и пытался разогнать сны. Затем, осознав, кто он такой, Эмилий резко вскочил и тут же схватился за голову. После вчерашней пьянки тошнило и мутило. К горлу внезапно подошёл горький ком и не совладав с собой, император перевалился за кровать и начал блевать на персидский ковёр в своей спальне. Очистив желудок, он лёг обратно на постель и застонал. Борода была грязной, волосы включены. А одежды и не было вовсе. Что вчера произошло, он не помнил.

– О, дружище, ты уже проснулся.

Эти слова принадлежали Аппию. Эмилий не ожидал его здесь увидеть, поэтому сильно смутился и быстро прикрыл

нагое тело покрывалом. Одновременно он вытирал бороду рукой от содержимого желудка.

– Что?.. Что... ты здесь делаешь? Что я здесь делаю? Кто я такой...

– У-у-у, – протянул невесело Аппий и сел на край ложа. – Сильно же на тебя действует фалернское вино.

– Я больше не буду пить, клянусь Юпитером! – Буркнул Эмилий.

Жестом руки он попросил Аппия отвернуться. Тот, усмехнувшись, подчинился. Эмилий начал искать тунику, но вместо неё обнаружил на полу чьё-то платье. Он с недоумением смотрел на него и пытался вспомнить, что оно здесь делает.

– Не припомню, чтобы я с кем-то спал... Впрочем, я ничего не помню.

Аппий, не смотря на приказ, повернулся в сторону императора и неприлично разглядывая нагое тело друга, пояснил:

– Ты забрал его у той рабыни, которая прислуживала нам.

Эмилий широко раскрыл глаза и ещё сильнее покраснел, испытывая стыд.

– А потом мы с тобой поженились?.. – Осторожно предположил Эмилий, искренне надеясь на отрицательный ответ.

Но вместо ответа Аппий громко рассмеялся.

– Приведи себя в порядок, август. Vale!

После этих слов, Аппий открыл двери спальни и вышел. Куда он направился – он не сказал. Но император надеялся,

что он ушёл домой, ибо после его ухода, он наконец осознал, что этот молодой человек скверно на него влияет. А что если об этом случае узнают в Риме? Его репутация снова бы пошатнулась! Его будут считать эгоистичным пьяницей, который кутит государственным бюджетом с утра до вечера, тратя деньги своего народа на элитных куртизанок. «Куртизанок...»

Эмилий снова вспомнил про свой сон. Этот сон говорил только об одном – Аристон чем-то недоволен. Он явно в чём-то провинился... Но он не помнил – в чём именно. Единственный кто знал ответ – так это Аппий.

Вскоре выяснилось, что Аппий и вправду покинул дворец. Но надолго ли?

Оправившись после пьянки и приведя себя в порядок, император позвал к себе Катона. Вольноотпущенник незамедлительно отбросил все свои дела и явился к своему господину. Он был рад, вновь увидеть трезвого властителя. Аппий Катону также не симпатизировал.

– Ваше августейшество, как ваше здоровье? – Тут же спросил Катон.

Эмилий сидел в своём кабинете, разложившись на ложе. Голова его была опрокинута назад. Было похоже, что он спит. Катон вопросительно оглянулся и собрался уходить, но император остановил его жестом руки. Вольноотпущенник улыбнулся, но увидев императора изменился в лице.

Лик императора был настолько тучным, что казалось почернело. Под глазами виднелись мешки после пьянки, волнистые волосы были всклочены, борода мокрой от пота. Он был похож на бродягу или отшельника-философа.

– Ваше августейшество, смею упрекнуть вас за вашу неопрятность. Правителю Римской Империи не пристало уподобляться своим внешнем видом – плебею.

Вместо ответа Эмилий махнул рукой, выражая недовольство. Катон тут же замолчал, смиренно потупив взор вниз.

– Где Аристон? – Наконец спросил Эмилий спокойным тоном.

Катон замялся и не спешил с ответом. Тогда император повторил свой вопрос, только уже более повелительным тоном.

– В преторианском корпусе, – наконец ответил Катон и закрыл глаза, словно ожидая кары.

Неожиданно, император вспомнил слова Аппия. Он тогда ещё был более или менее трезв, поэтому смог запомнить, тем более – эти слова его тогда сильно задели и заставили задуматься. «...Быть может, весь преторианский корпус уже давно присягнул Аристону, и все только ждут вашей кончины, чтобы объявить нового императора». Эмилий не хотел верить в это и надеялся, что всему есть разумное объяснение.

– Что он там забыл?

– Ваш приёмный сын пребывает в корпусе уже второй день. Он не ночевал во дворце.

Император подозрительно прищурился. Несколько секунд, его лицо то выражало недовольство, то гнев, то усталость. Наконец, он поднялся с ложа и быстрым шагом направился прочь. Катон поспешил за ним. Взгляд императора напоминал тот, когда он узнал, что Адриан – наглый лгун и предатель.

Эмилий взял с собой десяток преторианцев и меч. Катон обеспокоенно наблюдал за происходящем. Неужели, император убьёт Аристана? Зачем ему меч и столько воинов? Катон надеялся пойти вместе с правителем, однако тот запретил ему покидать дворец.

– Всё отнюдь не так, как вам кажется, август! – Сказал наставления Катон, прежде чем император покинул дворец Флавиев.

Преторианцы радушно встретили императора, однако Эмилий не спешил со всеми обниматься, как это делал чаще всего при встрече. Дворцовые гвардейцы взяли императора в каре и не подпускали к августу людей. Преторианцы начали недоумённо переговариваться. Они ещё не видели императора «таким».

Пройдя ещё несколько метров, Эмилий остановился. Напротив стоял центурион Квинтилий. Это он послужил причиной их остановки. Офицер ударил кулаком в грудь и отдал

почтительно римский салют. Под мышкой он держал свой шлем с поперченным гребнем.

– Принцепс, чем мы обязаны вашему визиту? – Спросил Квинт, с подозрением осматривая дворцовых воинов. Они не подпускали центуриона к императору, загородив ему проход.

Однако, увидев старого друга, Эмилий попросил разойтись и подпустил к себе центуриона. Он был рад ему.

– Где вы держите Аристона? – Наконец спросил император. – Он здесь?

Квинт кивнул.

– Отведи меня к нему, немедленно!

Центурион, ничего не говоря, направился в сторону лазарета. Император последовал за ним. Дворцовые шли сзади.

Дойдя до лазарета, центурион остановился. Император поблагодарил его. Жестом он приказал своим людям остаться на улице и ждать его. То, что Аристон был в лазарете уже удивило его. Однако он продолжал держать руку на рукоятке своего меча.

Зайдя в лазарет, он встретился с Филиппом. Врач сразу понял, кто перед ним стоит и пал ниц в знак уважения.

– Я никому ничего не говорил, – сказал неожиданно врач.

Император не понял, что имел в виду Филипп. Врач указал пальцем в комнату для больных. Там в ряд стояли кровати и тюфяки, на которых лежали больные преторианцы. Долго осматривая тёмную комнату и привлекая к себе вни-

мание воинов, император наконец обнаружил в углу знакомую фигуру. Больные провожали взглядом императора, слабо отдавая ему салют. Однако император не обращал на них внимания, устремив свой взор на Аристона. Подойдя к углу, он увидел лежащего под одеялом юношу. Лежал он на боку, плечо было перевязано тканью. Узнал император его лишь по золотым кудрям. Только у него были такие прекрасные волосы.

Император недоумевал. Он никак не ожидал такого поворота событий. Мысленно на протяжении всей дороги в преторианский корпус он готовил речь. То, как он обвинит Аристона в предательстве и то, как Аристон решит убить его. И то, как преторианцы нападут на императора и провозгласят Аристона своим августом. Ничего этого не было.

Эмилий сел на колени и положил свою голову на край лотка. Он прикоснулся к волосам Аристона и начал поглаживать. От поглаживания, Аристон проснулся и открыл глаза. Увидев перед собой лицо императора, он вздрогнул.

– Эмилий, что ты...

– Тише, тише, – прошептал император, пытаясь успокоить друга.

Аристон присел на ложе и начал объясняться.

– Прости, Эмилий, я не хотел, чтобы ты узнал об этом. Прости, что не сказал.

– Кто тебя ранил?

Аристон понял, что нет смысла скрывать и решил расска-

зать правду. Выслушав, Эмилий поник головой вниз и захныкал.

– Прости, прости, мой милый, я не знал. Я думал ты предал меня и готовишь заговор с моими преторианцами. Какой я глупец!

– Как ты мог вообще до этого додуматься? – Слегка возмутился Аристон. Он был зол на Эмилия после вчерашнего разговора. – Уверен, что это Аппий заставил тебя поверить в этот бред. Не доверяй ему – мне кажется то покушение было подстроено.

Эмилий заметил злость в голосе Аристона и спросил:

– Что случилось? Аппий обидел тебя? Почему ты с такой ненавистью говоришь о нём? Он спас мне жизнь, и ты должен быть ему благодарен за то, что я стою сейчас перед тобой.

Аристон ударил рукой по кровати и встал вплотную к императору. Он смотрел на него снизу вверх и пытался заглянуть ему в глаза. Эмилий отвёл свой взор, немного смутившись.

– Милый, возвращайся во дворец, я скучаю по тебе, – неожиданно сменив тон на мягкий, заговорил император, взяв Аристона за локти.

Но Аристон грубо забрал свои руки и отошёл от императора, как от чумного.

– Я не желаю возвращаться туда, где меня воспринимают как раба и как куртизана.

Эмилий удивился. Он не понимал смысл слов Аристона.

– О чём ты? Тебя никто не считает рабом. Ты Цезарь, мой сын.

Эмилий снова попытался обнять Аристона, но тот не позволил дотронуться до себя. Он скрестил руки на груди и смотрел на Эмилия тем же взглядом, каким смотрел во сне. Эмилий напряг память, пытаясь вспомнить, что вчера было. Смутно, но он всё же вспомнил свои слова.

– Я был пьян и не отдавал отчёта в своих словах. Не принимай это близко к сердцу. Это бред Александра.

– Не важно – пьян ты был или нет – ты сказал это. И эти слова меня ранили намного сильнее, чем там на площади.

Аристон дал понять, что разговор окончен и лёг обратно в постель, прикрывшись одеялом. Эмилий несколько минут молча стоял, переваривая слова Аристона. Сейчас Аристон казался императором, а Эмилий – опальным подданным. Он очень хотел вернуться назад, в прошлое и помешать самому себе сказать эти ужасные, омерзительные слова. Но он не бог...

Ещё немного постояв, он наконец покинул лазарет и вернулся во дворец. Один.

Иногда случаются такие события в жизни, что хочется просто забыть о них. О таких моментах ты вспоминаешь всю свою жизнь. Возникает желание умереть, ведь именно после

смерти ты лишишься своих воспоминаний, либо вернуться в прошлое, чтобы изменить его. Сделать этот момент – счастливым. Чтобы вспоминать о нём и радоваться, а не грустить. Это воспоминание снедает тебя изнутри, становится навязчивой идеей, от которой невозможно избавиться.

То же самое сейчас чувствовал Эмилий. Он редко испытывал вину, однако сейчас он познал это чувство. С одной стороны, он убеждал себя, что он не виноват, а Аристон – ведёт себя, как ревнивая жена, которая обижается на всякую ерунду. Подари ей драгоценность, и она простит тебя. Однако, Эмилий сомневался, что с Аристоном получится так же, как с Урсулой.

Больше всего сейчас император хотел поддержки и убеждения в том, что он прав и ему нечего стыдиться своих слов. Сказанных к тому же в невменяемом состоянии.

«О боги, я император. Аристон – мой поданный. Не пристало императору просить прощения перед своим поданным. Я не паду настолько низко!» Эмилий не любил извиняться. Он всегда считал себя правым во всём. От извинений у него чернел язык, но это неважно – главное то, что просил прощения он всегда искренне. Искренние слова всегда говорить сложнее.

По возвращении во дворец, император решил навестить дочку Аристона. Маленькая девочка давно не видела отца и ей было одиноко в компании сиделок. Подойдя к спальне Анастасии, император остановился. Из спальни доносились

странные голоса, похожие на стоны женщины и мужчины.

Эмилий не стал ждать и быстро распахнул дверь, утолив жажду своего любопытства. В комнате находился Антиох и юная бессменная сиделка Петра. Молодые люди были полураздеты и глубоко дышали, что ясно говорило об одном.

– Ваше августейшество! – Взял слово Антиох, надевая на плечо лямку туники. – Это не то, что вы подумали.

– Не смей лгать мне, маленький потаскушник! – Прорычал император, настолько громко, что сумел разбудить Анастасию.

Он был зол. Но источником этой злобы были отнюдь не рабы, которые любили друг друга и не смогли справиться с желанием совокупиться друг с другом, а минувшая ссора с Аристоном. Эмилий хотел справиться со своим горем, но не знал, как. Сейчас он был зол на весь мир. Казалось, что все от него отвернулись и считали тираном. В народе, наверное, уже пустили слух о пьянстве императора. Все его ненавидят. Нет человека, который любил бы его и поддерживал в трудную минуту. Раньше таким человеком был Аристон, но сейчас его нет. Он тоже отвернулся от него. Весь Рим – отвернулся от него. Когда император был в подобном состоянии, он мог совершить глупые и жестокие вещи, чтобы тем самым унять свою душевную боль.

Антиох прикрыл своей спиной юную рабыню, взяв весь удар на себя. Ребёнок кричал всё громче и громче. К ней присоединилась и Петра со своими слезами.

– Доминус, умоляю вас, простите! – Взмолилась Петра, упав на колени, подле императорских ног, целуя подол красной тоги.

Антиох пытался её поднять на ноги и уберечь от гнева императора.

– Ничтожество! – Рывкнул Эмилий и вместо прощения, пнул Петру в грудь.

Девушка схватилась за больное место и отползла назад. Император направился к ней, скаля зубы. Однако Антиох преградил Эмилию дорогу.

– Не трогай её, убей меня – я виноват. Она – нет.

Антиох всё ещё скверно говорил на латыни. Особенно когда волновался.

– Вы все – жалкие ублюдки, – заговорил с ненавистью император. Из рта его капали слюни, словно яд. – Предайтесь низменным инстинктам, уподобляясь животным. Я вам предоставил кров и работу. Вы имеете честь жить во дворце! Так вы меня отблагодарили?

Император не сдержал свой гнев и ударил Антиоха по лицу. В комнату вошли преторианцы, которые слышали крики в коридоре.

– Превосходно! Уведите этих двоих, – приказал император. – Этого казнить. А эту потаскушку – в темницу.

– Нет!! Антиох! – Закричала Петра, обливаясь слезами. – Умоляю! Не убивай его!

Преторианцы схватили девушку и повели прочь из ком-

наты.

– Ты – тиран! – Крикнул Антиох, когда преторианцы вывели его из спальни.

Услышав последние слова, Эмилий ещё сильнее покраснел. Со лба стекал пот, белые зубы были сжаты. Он вышел в коридор и взяв меч из ножен преторианца, который держал девушку, направился к Антиоху.

– Нет!!! – Завизжала Петра. Ноги её подкашивались, и она еле сдерживалась, чтобы не упасть.

Антиох гордо смотрел в лицо императора, готовясь к смерти. Он не боялся умереть. Он был таким же сильным, как и его бывший хозяин.

Император поднял меч над головой и приготовился нанести удар, как вдруг кто-то схватил его за локоть. Эмилий опустил меч и повернулся назад. Он дышал как бык и был похож на безумного.

– Убери меч, – сказал спокойным тоном Аппий Кезон.

Молодой сенатор стоял возле императора. Взгляд его был наполнен укора. Он осуждал поведение императора. Молча.

Император, не отдавая себе отчёта, отбросил с громким звоном меч на мраморный пол и опустил голову вниз, выражая стыд. Когда рабов увели, Аппий зашёл в детскую, чтобы успокоить напуганную малышку. Император последовал за ним.

– Посмотри, что ты наделал, – заговорил Аппий голосом отца. Он взял Анастасию на руки и начал убаюкивать.

Император сел на кресло и закрыл лицо руками. Когда Аппий успокоил ребёнка, он сел рядом с Эмилием и положил свою руку ему на плечо.

– Теперь объясни, что ты устроил сейчас? Ты и вправду готов был зарубить раба за то, что тот просто хотел – любить?

Император посмотрел с изумлением на Аппия, не понимая, откуда тот узнал, что здесь произошло.

– Не сложно догадаться, – пояснил Аппий. – Но причина явно не в этом, причина где-то здесь, в твоём сердце.

Аппий ткнул пальцем императору в грудь и посмотрел в глаза. Эмилий ещё сильнее удивился проницательности молодого сенатора. Он понимал его без слов.

– Да, всё так, – наконец признался император. – Я поссорился с дорогим мне человеком. И я безумно хочу всё исправить, но не знаю, как...

– Для начала, Эмилий, отпусти тех несчастных, которых ты до смерти напугал.

– Но...

– Никаких «но», Эмилий, – упрекнул его Аппий. – Затем мы прогуляемся с тобой.

– Куда мы пойдём?

– К твоему народу, – ответил Аппий. – Я хочу, чтобы ты убедился в их верности и не мнил себя тираном, которого все ненавидят. Это не так.

– Но они убьют меня... Все хотят меня убить...

– Ты боишься их. Я знаю. Но поверь мне, всё будет хоро-

шо. Я буду с тобой. Только я и ты.

– А преторианцы?..

– И никакой охраны, – отрезал Аппий.

Слова его были убедительными. Император не стал спорить с другом и молча принял приказ. Он не понимал, зачем он всё это делает, зачем слушает Аппия, зачем позволяет так с собой разговаривать, словно с младшим братом, но с Аппием он чувствовал себя безопаснее. Он был похож на любящего отца, который сделает всё, чтобы его ребёнок был счастлив.

Эмилий рядом с Аппием был уязвимым и ничего не мог с собой поделаться. Возможно, в этом и была его слабость.

Оставив все государственные дела во дворце, Эмилий покинул Палатин не как император, а как Александр. Разумеется, никто не знал об их уходе и всё произошло тайно. Катону Эмилий сказал, что он будет у себя в кабинете вместе с гостем. Просил не беспокоить и не входить. Сам же вылез в окно и перелез через забор, как это делал раньше, когда был молодым и полон сил. Аппий дал ему возможность вновь почувствовать себя мальчишкой.

Что же касается Антиоха, то император приказал высечь его, а также запретил видаться с рабыней Петрой. Для него любовь – это зло. Он убедил себя в этом и пытался убе-

дить Антиоха. Любовь рано или поздно закончится и оставит после себя неприятное послевкусие, именуемое разбитым сердцем или предательством. Кто-то обязательно предаст и это неизбежно, по мнению Эмилия. Он ещё не познал истинную любовь, а опыт с Урсулой закончился, к сожалению, неудачей.

Молодые люди были одеты просто. Туники и дорожные плащи. Никакого золота и никаких украшений их не покрывали. Сейчас это были – Аппий и Александр – два квирита из обычной семьи. Прогулка и вправду дала о себе знать. Эмилий возбудился и подпрыгивал на месте. Он был в состоянии эйфории. Он безумно любил играть роль Александра. Он был рад наконец стать обычным римлянином, от которого не зависела судьба империи. Не нужно быть всё время напряжённым и подправлять тогу, чтобы выглядеть величественно и безукоризненно, не нужно следить за своей речью, пытаться изображать оратора и цитировать афоризмы Цицерона, чтобы произвести впечатление. Можно расслабиться и быть самим собой.

– Я благодарен тебе, Аппий, – сказал Эмилий, миновав Палатин. – Мне всегда хотелось родиться в плебейской семье и жить жизнью крестьянина.

– Всегда пожалуйста, друг мой, – ответил Аппий, оглядываясь по сторонам.

Впереди маршировали вигилы, поэтому Аппий остановился. Эмилий схватил сенатора за руку и ринулся прочь,

словно мальчишка пытался спрятаться от учителя и скучных уроков. Аппий рассмеялся, ему тоже было весело и он решил подыграть другу. Через мгновение, мужчины бежали по римским улицам, разгоняя в стороны снующийся народ. Разумеется, никому это не нравилось, особенно патрициям, которые также были среди толпы.

– Необразованные плебеи! – Крикнул им вслед один из аристократов.

Услышав это, Эмилий громко расхохотался. Ему пришлось остановиться, чтобы не задохнуться от собственного смеха.

– «Необразованные плебеи!» – Передразнил Аппий высокомерного аристократа.

Поборовшись со своим смехом, Эмилий и Аппий продолжили свою прогулку. Миновав Арку Клавдия и Септизоний, они двинулись в сторону большого рынка, находящимся за акведуком Марцелла.

Повернув, они вступили на площадь. Скульптура Меркурия встретила их невозмутимым взглядом, в ноздри мужчин ударил букет запахов. Рыба, мясо, фрукты, даже животные. Что здесь только не было. Приходилось держаться рядом, почти вплотную, чтобы не потеряться среди толпы. Миновав мясную лавку, Эмилий заметил деревянную таверну и тут же свернул в излюбленное место. Аппий последовал за ним.

В старой таверне находилось с десятков мужчин, среди которых были и преторианцы. Обнаружив в углу свободный

столик, Эмилий вместе с Аппием последовали к нему. Расположившись, они заказали себе вина и сухофруктов.

– Когда-то, я точно так же сидел в таверне и выпивал с Аристоном...

Сказав последние слова, Эмилий прикрыл рот рукой, поняв, что может сказать лишнее. Он снова вспомнил слова Аристана и поник головой.

– Эмилий, дружище, тебе нечего стыдиться, – начал утешать его Аппий. – То, что ты тогда сказал – не имеет никакого значения. Ты был пьян и не отдавал отчёта в своих словах. Уверен, вы помиритесь и Аристон вернётся во дворец.

– О боги, – Эмилий тяжело вздохнул. – Я всё время его обманываю. Беспощадно лгу в угоду себе. Я не представляю, что будет, когда Аристон всё узнает. Ибо истина рано или поздно всплывёт наружу, подобно весеннему дерьму. Простите за столь поэтическое сравнение. Ведь я солгал не только в том, что Кисса бросила его, но и... О Юпитер, забудь, что я тебе говорил, это не имеет значения.

– Ну-ка, ну-ка, – Аппий наклонился к Эмилию, навострив свои уши, – о чём ты умалчиваешь?

– Прости, я бы хотел тебе об этом сказать, но я ещё не готов. Обещай мне, что ты не используешь против меня правду о Киссе. Поклянись, прошу тебя. Я уже жалею о том, что признался тебе в этом.

– Дружище, ты можешь мне верить, – успокоил его Аппий, приобняв за плечи. – Я никогда не предаю тебя, ты мой

друг. Ты – мой господин.

Эмилий слегка улыбнулся. Однако, он не собирался раскрывать ещё одну тайну. Если об этом узнает Аристон – случится нечто ужасное. Эта правда похуже, чем правда о Киссе. Намного хуже... и страшнее.

Дождавшись своего заказа, мужчины медленно наслаждались дешёвым вином. Народу становилось всё больше и больше. Музыканты играли весёлые мелодии на флейтах, развеяв в зале тоску и уныние. Эмилий заметил, что в их сторону приближаются две молодые девушки. Это были уличные куртизанки.

– Мальчики, вы не против, если мы присоединимся к вашей компании? – Спросила рыженькая красавица.

– Разумеется, присаживайтесь, юные нимфы, – ответил за Эмилия Аппий.

Самая красивая, на удивление Аппия, села рядом с Эмилием, а вовсе не с ним. Это слегка разочаровало Аппия и ударило по его самолюбию.

Рыжая куртизанка, села на колени к Эмилию и налила себе вина.

– Почему вы сели именно к нам, у нас нет денег, чтобы вас обслуживать, – проговорил слегка смущённо Эмилий.

Красавица, осушив стакан, игриво облизнула свои пухлые губки и ответила:

– Мальчики, кого вы пытаетесь обмануть? Мы же видим, что вы не плебеи, а знатные мужи.

Эмилий поперхнулся собственной слюной и сильно покраснел. Раньше он играл роль Александра намного лучше.

– Что же в нас выдаёт знатных мужей? – Осторожно спросил Эмилий, спасая своё лицо от горячих поцелуев рыжеволосой.

– Ваши жесты, ваш взгляд, ваша речь, – нехотя начала объяснять куртизанка. – Вы сдержанны и смотрите на всех с высоко. – Куртизанка обратилась к Эмилию, взяв его за руку. – А твои руки – они нежные и бархатные, как у девицы. Твой лик – не сожгли ярые лучи солнца. Твоё тело бледное, несмотря на летнюю жару.

Куртизанка молча разглядывала Эмилия, поглаживая его по волосам.

– А ты, красавчик, вообще похож на императора, – неожиданно сказала вторая, которая сидела рядом с Аппием.

Через несколько мгновений, она перелезла через Аппия и прижалась к Эмилию. Аппий ещё сильнее разозлился.

Эмилий прокашлялся в кулак. Эта куртизанка была слишком умна для своего сословия. И слишком проникательна.

– И как же, по-вашему, выглядит император? – Спросил Эмилий.

– Ну-у-у, – начала говорить рыжая. – Он сильный, могущественный, высокий, красивый, – после каждого прилагательных, девушка целовала Эмилия.

– Это понятно, – буркнул Эмилий и сел прямо, требуя чёткого ответа на свой вопрос. – Какой он правитель?

Чёрненькая куртизанка, которая пересела от Аппия решила ответить первой. Сейчас они были похожи на учениц, которые отвечали на уроке.

– Мне кажется, он – прекрасный император. Я рада, что в его жизни появился Аристон, который поставил его на путь истинный. Благодаря этому юному цезарю, жизнь в Риме стала намного лучше. Я молюсь за его благополучие. В народе обожают его. Мне кажется, он полубог, посланный с Олимпа, чтобы помочь нашему императору и своему народу.

– Я однажды видела его, – заговорила с воодушевлением рыженькая. – Он был прекрасен.

Эмилий сдвинул брови, выражая негодование.

– Не правда, – отрезал Эмилий. – Император не зависит от Аристона. Он всегда думал и думает о своём народе. Не благодаря Аристону ваша жизнь стала лучше. Исключительно благодаря императору.

– Вы сказали – Аристон? – Послышался мужской голос.

Рядом сидели мужчины и услышав их разговор, решили присоединиться к дискуссии.

– Я слышал, что это Аристон спас императора во время недавнего покушения на площади, – заговорил мужчина. – Этот юный мальчик в свои года уже побывал в походе, доблестно сражаясь за Рим. Он воистину слуга своего народа. Считаю, что он будет достойным августом.

– Слава Аристону! – Воскликнул второй.

За ним повторили все те, кто находился в таверне. Через

минуту все начали говорить только о нём. Эмилий ударил со злостью кулаком по столу и быстро встал из-за стола, грубо оттолкнув навязчивых куртизанок. Аппий обеспокоенно последовал за ним.

Однако, император не собирался покидать таверну. Он быстро осушил бутылку с вином и на изумление всем, взобрался на чей-то стол, требуя к себе внимание. Когда все замолчали, он заговорил.

– Глупцы! Как вы смеете объявлять Аристона своим повелителем при живом императоре? Стыдитесь! Стыдитесь и молитесь о том, чтобы вас никто не слышал.

– Ты ещё кто такой? – Неожиданно раздался голос преторианца, который находился в таверне. Молодой воин поднялся со своего места и вместе с остальными гвардейцами, встали напротив Эмилия.

– Устроил здесь шумиху, взобрался на стол, хочешь стравить здесь людей? Какое ты право имеешь нарушать наш покой?

– Закрой свой высокомерный рот, солдат, – не сдержался Эмилий. – Вы все сейчас говорите словами изменников. Вы должны, нет ОБЯЗАНЫ, превозносить своего императора, который только и делает, что радеет о вас. Денно и ночью, чтоб вы знали. А вовсе не этот мальчишка.

– Не император ли настолько так любит свой народ, что вместо того, чтобы заниматься государственными делами, пьянствует с утра до вечера. Не император ли передал все

полномочия в руки Сената, чтобы снять с себя бремя ответственности? Мне жаль Аристона, который буквально сбежал из дворца, чтобы не видеть, как его «отец» позорит себя и империю своим бесчестным поведением.

– Он не сбежал! – Прорычал император. Этот нахальный преторианец вывел его из себя. – Он всё ещё живёт во дворце, вместе с императором! Всё это ложь!

– Не правда, – заговорил второй преторианец. – Он живёт с нами. В преторианском корпусе. Он наш – юный император. Мы так его называем.

Люди, которые слушали это, охали и ахали, выражая изумление. Аппий подошёл к императору и попытался его спустить со стола.

– Предатели! – Закричал Эмилий. Руки его тряслись от злости. Он был готов задушить преторианца. – Всех вас нужно казнить!

– Эмилий, идём, – уговаривал его Аппий. – Вступая в спор с невежеством, ты уподобляешься ему и становишься таким же.

– Бунтовщик! – Сказал один из преторианцев. – Пора охладить твой пыл, горячая голова.

– Не трогайте меня! Вы – отродье! – Кричал император.

Но его никто не слушал. Преторианцы сняли его со стола и повели прочь из таверны под улюлюканье и смех людей. К тому же некоторые из них кидали непристойные шутки в его адрес и даже бросали остатки еды. Аппий не стал мешать им,

а просто стоял и бездействовал. Принял сторону большинства, чтобы не казаться изгоем. Вот оно – стадное чувство.

Когда император вывели на улицу, преторианцы повели его к стойлу для мулов.

– Отпустите меня, я – император! – Кричал Эмилий.

– Да, да, а я тогда – Венера, – ответил преторианец.

Эта шутка понравилась солдатам и все её разделили звучным смехом, не обращая внимание на Эмилия.

Подойдя к стойлу, двое преторианцев остановились подле него и опрокинув тело императора, опустили его голову в воду. Мул, который стоял рядом и пил воду, недовольно отошёл назад. Люди, которые находились рядом, наблюдали за происходящем и смеялись. Несколько детишек выбежали из домов, чтобы посмотреть. Некоторые из них со смехом бросали в императора лошадиный помёт. Несколько раз окунув императора в стойло, преторианцы отпустили Эмилия.

– Довольно с ним, – сказал преторианец. – Повеселились и хватит. Надеюсь мы охладили нашего императора.

Преторианцы рассмеялись в унисон. С минуту постояв, они вернулись в таверну, оставив императора одного.

Удивительно, что преторианцы не узнали своего повелителя, ибо он часто посещал преторианский корпус. Возможно, по той причине, что на нём не было его пурпурной тоги и золотой диадемы. Неужели, он настолько зауряден? Да, до Аристана ему ещё далеко...

Аппий подошёл к Эмилию и поднял его с колен.

– Август, пошли, – прошептал Аппий. – Забудь про них. Они ещё будут наказаны.

С волос Эмилия каплями стекала вода на дорогу.казалось, что это были слёзы.

– Уходи, – сказал Эмилий.

– Эмилий, послушай...

– Убирайся! – В сердцах бросил император. Глаза его горели огнём. – Это ты виноват! Ты! Я тебя ненавижу! Ненавижу!

Аппий не стал объясняться. Немного посмотрев на друга, он попятился назад. Ещё несколько минут и он растворился в толпе.

Эмилий дождался, когда Аппий ушёл и заплакал.

Эмилий вернулся во дворец за полночь. Один. Всё это время он сидел подле реки Тибр и обливался слезами.казалось, что река стала больше от его слёз. Он был подавлен и морально убит. Всё это поведение и злоба, которая исходила от обидчиков, которые смеялись над ним напомнили Эмилию его детство. Всё его детство и подростковый период были наполнены слезами и попытками покончить с собой, пока он однажды не смирился со своей судьбой и не понял, что нужно быть сильным и никому не показывать свои истинные чувства. Перед людьми он был безумным императором, а в

душе – страдальцем.

Эмилий плакал, потому что более не мог терпеть. То, что сделал его собственный народ пробудили в нём настоящего Эмилия, который доселе сидел в клетке и никому не показывался. Ему было стыдно, стыдно настолько, что хотелось утопиться в этой реке, как бродяга, о котором никто не вспомнит и про которого никто не узнает.

Вернувшись восвояси, его тут же встретил Катон. Его лицо было обеспокоенно, рядом с ним находилась дворцовая стража. В руке он держал подсвечник.

– Слава богам, вы вернулись! – Воскликнул старик, подняв руки вверх, чуть не уронив свечку на пол. – Мы везде вас искали, где вы были?

– Плохо искали, – ответил император. Некоторое время лицо императора выражало печаль. Осознав, где он находится, он встряхнул головой и улыбнулся, надев на себя маску Эмилия. – Пока меня не было, престол, наверное, уже занял Адриан или моя стерва Урсулочка.

– Нет, что вы такое говорите, – запротестовал Катон.

– Успокойся, я шучу, – перебил император. – Благодарю за радушную встречу, но я смертельно устал.

Сказав последние слова, Эмилий сбросил с себя свой дорожный плащ на мраморный пол и направился в свою спальню. Катон проговорил слова благодарности в адрес богам и ослабил. Он был рад возвращению императора.

Когда император зашёл в спальню, он снял с себя всю

одежду и упал на постель. Несколько минут он лежал без движений. Затем он поднялся с кровати и подошёл к сундуку, который стоял на полу. Открыв крышку, он достал из сундука кожаный планшет. В планшете лежали пергаменты и стил. Одна-единственная свеча стояла рядом и тускло освещала комнату. Присев на колени рядом со светом, Эмилий взял пергамент и начал писать. Когда он закончил, он сложил листочки обратно в планшет и убрал всё в сундук. Затем он достал кинжал, который ему подарил персидский посол. Кинжал был искусно украшен драгоценностями. Его рукоятка была из красного дуба, а клинок – острый, что казалось, им можно было разрезать мраморную скульптуру.

Несколько минут он молча смотрел на лезвие, словно изучая его. Затем, направив острие к запястью, начал делать прямые порезы. Из порезов каплями появлялась алая кровь. Кровь постепенно усиливалась, а рука, которая держала кинжал – немела.

– О боги, что я делаю! – Испуганно прошептал Эмилий.

Он отбросил кинжал в сторону и начал искать глазами ткань. Обнаружив, висячие на кровати занавески, он снял их с потолка и перевязал ими руки, остановив кровь.

Спустя неделю, Аристон оправился после ранения, но несмотря на своё выздоровление, он не спешил возвращаться обратно. Но отнюдь не по той причине, что Эмилий причинил ему душевную боль. Правда говоря, он уже простил его

за это. А потому, что ему было стыдно за то, как он поступил с императором. Он понимал, что ему не стоило так с ним разговаривать, ибо он воистину – всего лишь бывший раб. И Эмилий был прав. Аристон должен быть благодарен ему за то, что Эмилий его приютил, подарил дом, власть и самое главное – дружбу. По сути, это он его спас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.